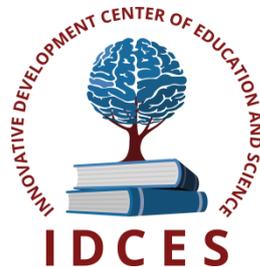

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные вопросы и перспективы
развития гуманитарных наук**

Выпуск V

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 мая 2018 г.)**

г. Омск

2018 г.

**Издатель Инновационный центр развития образования и науки
(ИЦРОН), г. Нижний Новгород**

ISSN: 2619-0400

УДК 009(06)

ББК 6/8я43

Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 5. г. Омск. – НН: ИЦРОН, 2018. 42 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семёновна (г. Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г. Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г. Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г. Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г. Москва), Дмитриева Ольга Александровна (г. Волгоград), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г. Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г. Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г. Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г. Москва)

В сборнике научных трудов по итогам V Международной научно-практической конференции «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г. Омск представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Статьи, принятые к публикации, размещаются в полнотекстовом формате на сайте eLIBRARY.RU.

© ИЦРОН, 2018 г.

© Коллектив авторов

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	6
СЕКЦИЯ №2.	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)	6
СЕКЦИЯ №3.	
КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	6
СЕКЦИЯ №4.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	6
ДИНАМИКА КОНСТРУКЦИИ И ДЕКОРА ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА АЛТАЙЦЕВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ Алексеева Т.П., Виноцкая Н.В.	6
СЕКЦИЯ №5.	
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	8
СЕКЦИЯ №6.	
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)	8
ЦВЕТ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНО ВЫРАЗИТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ДИЗАЙНЕ Чижова А.Ю.	8
СЕКЦИЯ №7.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)	11
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	11
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	11
ДЕПРЕССИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ Волосков И.В., Бойцова М.....	11
СЕКЦИЯ №9.	
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	13
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	13
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	13
СЕКЦИЯ №10.	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	13
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОЗЕ А.С.ПУШКИНА Макушина И.Н.	13
СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	15

СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ	15
СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)	16
СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)	16
СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)	16
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)	16
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)	16
РУССКИЕ ПАЛИНДРОМЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА Голайденко Л.Н., Бареева Г.М.	16
ФИТОНИМЫ <i>КУСТ, ДЕРЕВО, БЕРЕЗА</i> В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА Голайденко Л.Н., Карлова А.В.	19
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)	21
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)	21
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)	21
ПРОДУКТИВНОСТЬ СЛООВОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ НС + KUSS Буртыль Е.А.	22
ПОПОЛНЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ВОКАБУЛЯРА В XXI ВЕКЕ Елисеева В.В.	24
АРТИКЛИ КАК МЕЛОЧИ ОГРОМНОЙ ВАЖНОСТИ / ARTICLES AS UNITS OF GREAT IMPORTANCE/ Поползина Л.П.	26
ПОПОЛНЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ТЕРМИНАМИ ИЗ СФЕРЫ НАНОТЕХНОЛОГИЙ Сохань А.А., Хорунжая Н.В.	28
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМНОГО, БЕРЕЖЛИВОГО НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО <i>ECONOMASAL</i> Степнова Н.Р.	30
СЕКЦИЯ №20.	
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	33
СЕКЦИЯ №21.	
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	33
СЕКЦИЯ №22.	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	33

СЕКЦИЯ №23. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	33
СЕКЦИЯ №24. ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	33
СЕКЦИЯ №25. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22).....	33
АФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ Голубова А.И.	33
GRAMMATICAL MORPHEMES AND THE PROBLEMS OF QUASI-AFFIXES IN CONTEMPORARY CHINESE Голубова А.И.	36
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2018 ГОД.....	40

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

СЕКЦИЯ №4.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)

ДИНАМИКА КОНСТРУКЦИИ И ДЕКОРА ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА АЛТАЙЦЕВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Алексеева Т.П., Виницкая Н.В.

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина,
г. Бийск

Национальный костюм как вариант текста культуры, обладает определенной стабильностью. Претерпевая изменения под влиянием исторических, экономических, социальных процессов, он в тоже время сохраняет если не первоначальную функциональную специфику, то хотя бы внешнюю эстетическую образность, выдающую принадлежность определенной традиции и этносу. Описания традиционного костюма алтайцев встречаются в работах Вайнштейна С. И., Дьяконовой В.П., Потапова Л. П., Каплан Н.И. и др.

Процесс формирования культуры алтайцев (вернее, входящих в состав данного определения таких народностей как телеутов, теленгитов, алтай-кижи, кумандинцев, чалканцев) осуществлялся под влиянием кыпчаков, монголов, китайцев. Очень много сходства можно отметить в материальной культуре южных алтайцев с казахами, киргизами, тувинцами и другими тюркоязычными народностями. В культуре северных алтайцев наблюдается сходство с русскими, самодийскоязычными (селькупы) народами и с обскими уграми (хантами и манси).

Хозяйственный уклад и образ жизни находят естественное отражение в специфике национального костюма. Так, для южных алтайцев основным средством передвижения зимой и летом была верховая и выючная лошадь. Соответственно и традиционная одежда – шуба - была приспособлена к верховой езде. Шуба была длинной, её полами можно было укрыть ноги при езде, но, чтобы длинные полы не мешали при ходьбе, телеуты, например, пристёгивали их на пуговицы под подмышками.

Ткани у южных алтайцев были, как правило, покупные. Ткань, купленную у китайцев и у русских, считали более изящной и красивой, чем изготовленную самостоятельно. И поэтому тенденция развития китайского, русского производства тканей влияла на облик национального костюма южных алтайцев.

У южных алтайцев, как представителей культуры скотоводов, основным материалом для изготовления одежды и обуви были, как правило, шкуры домашних животных (лошади, коровы, козы, овцы) и войлок, который делали из овечьей шерсти. Обувь шили также из выделанной кожи лошади, быка или коровы.

У северных алтайцев основным средством передвижения в летнее время была лодка, в зимнее – лыжи. В связи с этим традиционная одежда – пальто (*сранда*), часто было до колен. Такая одежда облегчала передвижение. Характеризуя костюм северных алтайцев, Ф. А. Сатлаев писал: «Другой верхней одеждой

как у мужчин, так и у женщин был длинный кафтан (шекпен), сшитый из домотканого сукна, окрашенного в красный цвет (без подкладки). Воротник, борта и обшлага рукавов обшивались полосой черной ткани или плюшем. Иногда по внутреннему краю бортов был вшит красный кант и вшиты человеческие фигурки» [4, с. 135].

У северных алтайцев, также как и у южных, имели распространение головные уборы из войлока. Е.Зайцева и Н. Шатинова описали несколько видов головных уборов из войлока северных алтайцев: «У мужчин из племени туба бытовало три вида войлочных шапок. Борок – она составляла часть промыслового костюма охотника. Другая – войлочная шапка с высоким околышем из загнутых вверх полей и приплюснутым верхом. Третий вид – войлочная шапка имела форму усеченного конуса, снаружи ее обшивали шкуркой утробного детеныша марала, а верх шапки – бумажной тканью, подклад состоял из лоскутов разных мехов» [2, с. 12]. Женщины у северных алтайцев чегедеков и шапок не носили. Они носили платки, как правило, красного цвета.

В качестве приоритетных вообще выделяется однотонные ткани. Судя по сохранившимся произведениям фольклора, алтайцы придавали символическое значение отдельным цветам, среди которых белый, синий, оранжевый.

Характеризуя отношение алтайцев к отдельным цветам и краскам, Эдоков отмечает: «Любовь к радужным тонам, к их переходам и переливам и к контрастным цветовым сопоставлениям сохранилась у алтайского народа до наших дней» [5, с. 141]. Проблеме восприятия цвета у алтайцев посвящена статья С.П. Тюхтеновой – «О символике цвета у алтайцев».

С эстетической и семиотической точки зрения очень важным дополнением к женскому образу в алтайском национальном костюме была причёска. В причёсках алтайских женщин наблюдаются как общие черты, так и племенные различия. Все замужние женщины у южных и северных алтайцев носили две косы. Длинные косы были одним из первых признаков женской красоты, поэтому косы удлиняли при помощи специальных украшений. Накостные украшения женской причёски имели существенные этнические отличия. Женщины, например, алтай-кижи в косы вплетали накосники – шнуры, оканчивающиеся тяжёлыми украшениями – раковинами каури, нашитыми в три или четыре грани на основу. Накосники соединяли между собой шнурком, низкой бисера. Накосники богатых женщин состояли из двух или трех ярусов раковин, разделенных золотыми, серебряными и медными кольцами, подвесками из бисера и металлических пластин [2, с. 9]. Кумандинские женщины косы украшали подвесками, состоящими из двух медных колец, к которым пришивали два треугольника из красного или чёрного сукна с каймой другого цвета. На внешней стороне треугольника пришивали два ряда раковин каури. Между собой подвески соединялись длинными нитками бисера, которые висели цепью ниже талии. Использование в качестве украшения большого количества бисера, раковин каури для накосников характерно для этнографической культуры разных этнических групп алтайцев.

Обязательной деталью убранства девушек, женщин и у южных и у северных алтайцев были серьги. Серьги алтайцы покупали у китайских, монгольских, русских купцов. Серьги носили, как правило, медные или оловянные. По данным Е. П. Зайцевой, для разных этнических групп алтайцев характерны были различные формы серег. У женщин алтай-кижи были серьги с кольцевыми подвесками, шаровидными или каплевидными бусинами, дисковидными фигурными подвесками с цветными вставками.

Существенное значение в национальном костюме имеет декор. Именно он превращает функциональную одежду в художественно выполненный костюм [1, с. 5].

Орнамент в декоративно-прикладном творчестве алтайцев встречается разных видов – геометрический и растительный. Большое значение имеют зооморфные мотивы. Весь быт и культура несут отпечаток деятельности, связанной с охотой и скотоводством. Украшения одежды, обуви, головных уборов и ювелирных изделий часто напоминают контуры различных животных. Среди них ирбис – снежный барс, волчица, олени и лоси.

Нередко подобные орнаменты встречаются и на обязательных предметах, «украшающих» и отличающих охотника. Так, необходимой частью мужского костюма, как у северных, так южных алтайцев был кожаный ремень с металлической пряжкой, украшенный бронзовыми бляшками. На ремне мужчины носили огниво и нож в ножнах. Огниво (*отык*) представляло собой небольшой кожаный кошелек прямоугольной формы, в котором хранились кремешки для высекания огня и трут. Традиционный мужской костюм северных и южных алтайцев дополняли деревянная или металлическая трубка с деревянным чубуком и кожаный или матерчатый кисет, украшенный растительным орнаментом. Алтайская трубка была выкована из железа, головка и чубук составляли

одно целое, китайская трубка состояла из деревянного чубука с латунными мундштуком и головкой. Трубку и кiset алтайцы носили за поясом, за пазухой или в голенище обуви. Эти предметы, наряду с тажууром и треножником часто воспринимаются как символы данной культуры, встречаясь в рекламных буклетах, сувенирах, картинах с национальными сюжетами. Традиции декоративно-прикладного творчества питают своими образами творчество современных дизайнеров и художников. Среди последних можно выделить таких мастеров как В. Тебеков и Ю. Бралгин. Произведения Бралгина фольклорны по своей сути, но фольклор интересует художника не как символ национальной идеи или объект подражания, а как интересный, самобытный художественный материал, питающий собственное творчество. В его работах сильно декоративное начало [3, с. 50]. Полотна Тебекова – целая энциклопедия символов и этнографических образов.

Особенность этих художников, как и многих деятелей культуры Сибири как многонациональной территории, состоит не только в интересе к фольклору, стремлении его описать и изучить, но и сохранить в образах современных картин, скульптур, театральных декорациях.

Список литературы

1. Алексеева Т.П., Виницкая Н.В. Символика и эстетика декора алтайского национального костюма. Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 2 (22). С. 5-20
2. Алтайский национальный костюм / вступ. ст. Е. Зайцевой, Н. Шатиновой; худож. И. И. Ортанулов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1990. – 96 с.
3. Виницкая Н.В. Фольклорные мотивы и образы в творчестве Юрия Бралгина. Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-2. С. 49-51.
4. Сатлаев, Ф. А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века) / Ф. А. Сатлаев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1974. – 200 с.
5. Эдоков А.В. Декоративно-прикладное искусство Алтая./ А.В. Эдоков.– Горно-Алтайск, 2006.- 178 с.

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

ЦВЕТ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНО ВЫРАЗИТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ДИЗАЙНЕ

Чижова А.Ю.

Московский городской педагогический университет, г. Москва

Аннотация.

Восприятие цвета человеком в наибольшей степени визуально, а цвет, в свою очередь, является средством невербального, зрительного сообщения, с помощью которого он воздействует на эмоции и чувства человека положительно или отрицательно. Таким образом, с развитием технологий в настоящее время цвет играет большую роль в коммуникативном дизайне. В статье рассматривается вопрос цветовосприятия человека и его проблематика. Несмотря на многочисленные исследования в этой области, на сегодняшний день очень мало теоретических работ и эмпирических исследований о влиянии цвета на

эмоциональное состояние, а то, что было проделано, обусловлено не научными проблемами, а практическими.

Ключевые слова: цвет, эмоциональное восприятие цвета, коммуникативная функция, дизайн, реклама.

Тема эмоционального восприятия цвета очень интересна и обширна. По данному вопросу проведено множество исследований. Так как на протяжении всего времени существования человечества значительную роль в жизни каждого занимает цвет, то как объект исследовательского интереса и внимания он берет свое начало из далекого прошлого. Понятия человека о цвете вырабатывались на протяжении многих веков. Возникали традиции, цветовые каноны.

Проблему цвета и его воздействия на человека в разное время активно изучали Аристотель, Леонардо да Винчи, И. Ньютон, И.В. Гете, Д. Максвелл, М.В. Ломоносов, Г. Гельмгольц, И.П. Павлов, С.И. Вавилов, В.М. Бехтерев, В. Кандинский, М. Люшер, Й. Иттен, О. Рунге, В. Оствальд. Эти и многие другие служители науки, художники, музыканты и писатели внесли свой вклад в те знания о цвете, которыми мы сейчас обладаем [1].

К примеру, первую стройную систему цветов создал Леонардо да Винчи. Он установил, что "Простых цветов шесть: белый, желтый, зеленый, синий, красный и черный" и выделил два возможных аспекта цветов: художественный и физический [2].

А знаменитый немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гете создал "Труд о природе цвета", в котором рассматривал цвет комплексно, учитывая его эмоциональные составляющие [3].

В процессе исторического развития восприятие цвета существенно модифицировалось. Исследования на тему цвета не прекращаются, и люди всё больше обогащаются знаниями в этой области. Цвет стал использоваться в качестве коммуникативного средства, где он выступает в роли носителя информации, которая мгновенно считывается.

В основе почти всех исследований по изучению цвета в рекламе лежат работы Макса Люшера. Постигнув всю сложность проблемы, он стал разрабатывать ее фундаментально и сделал очень важный для рекламной индустрии вывод: цвет не только вызывает соответствующую реакцию человека в зависимости от его эмоционального состояния, но и определенным образом формирует его эмоции [4]. «Цвет — продукт света, вызывающий эмоции», так писал И.В. Гете в «Учении о цвете» [5]. Таким образом, при правильном выборе цвета можно управлять отношением потребителя к рекламе, вызвать у него требуемые эмоции и как следствие, благоприятное представление и желание приобрести рекламируемый товар.

На сегодняшний день этим занимается коммуникативный дизайн — многофункциональная область дизайна, нацеленная на передачу сообщения любого характера с помощью визуальных средств. Владение знаниями по данной тематике имеет ключевое значение для творческих людей, бизнеса и компаний, где цвет используется в процессе производства и маркетинга того или иного продукта. В настоящее время изучение проблем цвета в рекламе достаточно актуально и представляет научный и практический интерес, так как удачная реклама будет приносить прибыль компании в течение долгого периода.

В рекламной коммуникации, при формировании привлекательного вида продукции, цвет является незаменимым компонентом. Для специалиста весьма важно учитывать принципы цветовой гармонии, грамотно устанавливать соответствие между цветом и формой, материалом и цветом, материалом и фактурой. В настоящее время такую необходимую информацию включают в себя два основных раздела: цветоведение и колористика.

Но, по обыкновению, игнорируя данные дисциплины, одни производители рекламы подходят к цветовому решению чувственно-интуитивно, рассчитывая на свой вкус, а вторые — на предпочтения аудитории. Такой подход маркетологов зачастую не правильный, так как главное в данной проблеме — уместность цвета. Цвет должен быть уместен с точки зрения эмоционального и семантического значений. Символика и семантика цвета опираются на объективные особенности нашего интеллекта, их подсознательное воздействие широко используется в графическом дизайне с целью решения маркетинговых задач [6]. Благодаря их правильному воздействию на потребителя, проект станет не просто удачным, а даже исключительным, не имеющим себе равных. Таким образом, не стоит полагаться на собственные предпочтения, следует придерживаться научного подхода. Неправильно подобранная цветовая палитра может не только испортить удачную концепцию, но и вызвать негативные ассоциации у целевой аудитории.

К сожалению, при неверном подходе маркетологов и дизайнеров, описанном выше, уровень культуры в цвете и «цветокоммуникации» никак не приобрел еще надлежащего формирования и находится в развитии. Этим и обуславливается интерес к вопросу гармонии цвета в дизайне многочисленных

экспертов: дизайнеров, архитекторов, художников и теоретиков искусства. Именно гармония служит принципом подбора цветов, базирующихся на мягких, либо диаметрально противоположных цветовых соотношениях. Таким образом, цветовая гармония воздействует на зрителя, вызывая определенные чувства, например, состояния спокойствия, уравновешенности или, наоборот, активности, динамики.

Думаю, что стоит упомянуть о том, что вся цветовая гармония основана на концепции цветового круга Иттена. Он спроектирован так, что сочетания любых цветов, выбранных из него, будут хорошо смотреться вместе [7].

При правильном выборе цветовой гаммы результативность и эффективность визуальной коммуникации способны многократно увеличиться. Однажды найденное удачное сочетание со временем способно стать элементом фирменного стиля, которое будет успешно работать долгие годы.

Благодаря цветовому единству воспринимаемая зрительная информация оказывает весьма значительное эмоциональное влияние на зрителя. Таким образом, успешно выбранное цветовое решение повышает его выразительность, запоминаемость и эффективно работает при продвижении товаров и услуг в рекламе, в дизайне среды [8].

В свою очередь, не стоит забывать о том, что восприятие цвета существенно зависит от ассоциативного ряда, так как он возбуждает те или иные эмоции, представления, ощущения. То есть воздействием цвета затрагиваются не только зрение, но и другие органы чувств (обоняние, осязание, вкус), а также воображение, память.

Например, на подсознательном уровне можно почувствовать свежесть зелени, бархатистые прикосновения и сочный вкус. Образование таких ассоциаций аналогично формированию условных рефлексов. Такой способ восприятия имеет точное понятие- синестезия - процесс, при котором воздействие на один орган чувств вызывает непосредственную реакцию в другом. В коммуникативном дизайне такое воздействие на человеческий разум используется давно с неизменным успехом, поскольку позволяет формировать мнение, поведение и отношение к продукту потенциального потребителя. Таким образом, при создании дизайна, необходимо принять во внимание взаимосвязь между цветовым решением и восприятием его потребителя. Цвет может привлекать и отталкивать, вселять ощущение покоя и комфорта или наоборот раздражать, тревожить. Но главной задачей в дизайне является привлечь внимание клиента, заинтересовать, вызвать у него нужные эмоции.

Влияние цветов остается одним из наиболее интересных и спорных аспектов маркетинга. Его слабым местом остается недостаточная глубина анализа информации [9]. Изучая различные исследования относительно восприятия оттенков, надо отметить о существовании многих моментов, не поддающихся однозначным ответам. Это сложная тема, обладающая своими нюансами. Зачастую эффект, который оказывают на нас отдельные цвета, искажается из-за персональных предпочтений, опыта, воспитания, культурных различий и контекста.

Как упоминалось выше, неоднократно предпринимались попытки классифицировать реакцию потребителей на разные цвета. В многочисленных исследованиях определенные оттенки связываются с характерными чертами: красный – с возбуждением, зеленый – с умиротворением и так далее. Однако важнее соответствие создаваемому образу, а не стереотипным ассоциациям. Примером тому служит коричневый цвет, он чаще всего ассоциируется со строгостью, стабильностью и даже суровостью (магазин кожаной обуви Timberland), но в то же время он может передавать теплую, душевную атмосферу и даже возбуждать аппетит (реклама шоколада).

Таким образом, можно подытожить вышесказанное, что цвет способен вызывать у людей мощные эмоции, поэтому при должном его использовании он может быть очень эффективным средством визуальной коммуникации в руках профессионалов, поэтому изучение его воздействия на сознание и поведение потребителя чрезвычайно важно. Реклама становится более успешной при правильном использовании цветовой гаммы, которая со временем становится фирменной.

Рассматривая научную разработанность темы цвета в рекламе, надо учесть, что в основном ее анализ базируется на материалах, не имеющих научного обоснования. Изучая литературу и другие источники, следует отметить недостаточное количество глобальных исследований цвета в рекламе. Цвет как эмоционально выразительное средство в коммуникативном дизайне – молодая область исследований, которая в настоящее время пробудила небывалый интерес, несмотря на то что этой проблематикой занимались многие мыслители. Многие ещё предстоит открыть в этой области, а полученные знания уже активно применяются на практике.

Список литературы

1. Бондарчук А. И. Семантика цвета в аспекте межкультурных визуальных коммуникаций // Молодой ученый. — 2014. — №3. — С. 1081-1085. — URL <https://moluch.ru/archive/62/9563/> (дата обращения: 14.12.2017)
2. Гусаров Ю. В. Менеджмент рекламы: Учеб. пособие — М.: ЗАО «Изд-во «Экономика». -2007. С.527
3. Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. С. 300-340.
4. Дроздов В. С. Цветокоммуникация в рекламе и закономерности восприятия рекламного сообщения [Текст] // Современная психология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. С. 29-32.
5. Иттен И. Искусство цвета- М.; Издатель Д. Аронов; 2004.С.90
6. *Леонардо да Винчи, Избранные произведения: в 2 т. Том 2.* – М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева-2010. С.480
7. Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (часть первая) - М.: Кругъ, 2012. С.232
8. Фролов Д. П. Цветовые технологии рекламной коммуникации / Д. П. Фролов // Маркетинг в России и за рубежом. 2009. - № 3. - С. 66-72.
9. Шуванов В.И. Психология рекламы. – М.: Изд-во Феникс, 2005.

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

ДЕПРЕССИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Волосков И.В., Бойцова М.

(Волосков И.В., доктор философии, учитель обществознания ГБОУ СОШ 887;

Бойцова М., учащаяся 10 класса ГБОУ СОШ 887)

В наше время такая вещь, как депрессия, является очень популярной и обсуждаемой темой. Что взрослые, повидавшие жизнь, что подростки-максималисты - каждый так или иначе имеет свое личное мнение насчет этого - столь распространенного в современном мире явления. Ментальные или психологические расстройства так же известны как «душевные», так как на первый взгляд физические признаки не заметны. Психическое здоровье человека является фактором дееспособности, то есть определяет возможность человека справляться с теми или иными ситуациями. Если человек не справляется с повседневными задачами в личной и семейной жизни, на работе, учебе, в дороге, просто на улице, то речь может идти о какой-либо стадии психического расстройства. Депрессия же - это состояние подавленности, упадка сил, снижения настроения. У людей, страдающих этим заболеванием, может наблюдаться апатия, снижение интереса к жизни, подавленная самооценка и пессимистический настрой. Депрессии подвержено 5% детей и подростков по всему миру, в России - 20%. Такому заболеванию подвержены люди, находящиеся в "переходном" возрасте, являющемся наиболее стрессовым - это связано с получением новых социальных ролей.

У подростков в возрасте примерно 12-17 лет происходит гормональная перестройка, что является результатом взросления. Также в этом возрасте человек очень восприимчив к окружающим факторам: к словам, поступкам, мнениям, любой информации, которую он получает извне. Книги, фильмы, музыка, слова знаменитостей, близкие им люди, сверстников - все это влияет на формирование мыслей и личности человека в процессе взросления. Собственно, это и есть процесс становления, во время которого любая получаемая информация так или иначе будет иметь воздействие. Также такой период в жизни человека

наступает в 30 лет, когда у человека возникают переживания и сомнения по поводу своего жизненного опыта. Это состояние наиболее известно, как кризис среднего возраста, но это тоже депрессивное состояние.

Наиболее ярким примером в российской литературе может послужить Николай Васильевич Гоголь, который все жизнь страдал маниакально-депрессивным расстройством. Свой первый депрессивный приступ он испытал в Риме, в 1840 году, в возрасте 31 года. Свое состояние он описывает так: «Солнце, небо – все мне неприятно. Моя бедная душа: ей здесь нет приюта. Я теперь больше гождусь для монастыря, чем для жизни светской». В 1842 году Николай Васильевич во время своего очередного приступа писал: "Мною овладела моя обыкновенная (уже обыкновенная) периодическая болезнь, во время которой я остаюсь почти в недвижимом состоянии в комнате иногда на протяжении 2-3 недель. Голова моя одеревенела. Разорваны последние узы, связывающие меня со светом. Нет выше звания монаха." Такого рода припадки преследовали Гоголя долгие годы, временами отступая, а после вновь накатывая с новой силой. В 1846 году состояние писателя настолько ухудшилось, что "повеситься или утопиться кажется единственным выходом, похожим на лекарство". Во время последнего приступа болезни (декабрь 1851 – февраль 1852 года) Николай Васильевич двое суток провел без еды и воды, стоя на коленях перед иконами. Он пытался передать рукопись второго тома "Мертвых душ", опасаясь за их сохранность, но ничего не выходит, и 11-12 февраля Гоголь сжигает свои рукописи, лишая мир произведения, которое всё равно вошло в историю. Гоголь был фанатичным христианином, поэтому он избрал наиболее безопасный и тихий способ смерти - он уморил себя голодом, и смерть наконец-то принесла долгожданный покой, что подтверждают строчки последних писем: «Надобно ж умирать, а я уже готов, и умру...», «Как сладко умирать...» .

Актеры, люди, чья работа перевоплощаться в совершенно других личностей и играть чувства на публику, также нередко страдают ментальными расстройствами. Дуэйн Джонс, рестлер, известный своими ролями в фильмах "Форсаж" и "Небоскреб", как бы неожиданно это ни было - тоже страдал от депрессии. Примерно в возрасте 20 лет, когда ему пришлось распрощаться с футбольной карьерой, молодой человек погряз в состоянии подавленности и самоненависти, жалея об упущенных возможностях и о днях, потраченных зря. К счастью, нам известно, что он смог побороть депрессию и предстал миру как рестлер, а позднее и как замечательный актер.

Еще одна звезда, чью депрессию легко было не заметить, поскольку это очень яркий и смешной актер. Однако на самом деле, многие самые смешные и позитивные комики ежедневно страдают от депрессии и используют юмор, чтобы справиться с этим. Оуэн Уилсон - один из таких людей. Мы привыкли видеть его в комедиях на больших экранах, когда в 2007 году мы внезапно услышали новость, что Оуэн Уилсон совершил попытку самоубийства. Позднее актер прошел лечение от депрессии - общение со своими двумя сыновьями позволяет актеру чувствовать себя гораздо лучше.

Стоит сказать, что многие люди стараются скрыть свою подавленность за юмором, нередко отпуская шуточки про свои настоящие чувства, таким образом стараясь привлечь людей к своей проблеме наиболее ненавязчивым способом. Или же сами стараются отвлечься от грустных навязчивых мыслей путем юмора.

Александр Сергеевич Пушкин, один из величайших классиков, переживал депрессивное расстройство на протяжении многих-многих лет. Чувство опустошенности, подавленности и утраты вдохновения. Наплывы депрессий сменяются резкой сменой настроения, внезапным возбуждением, даже конфликтностью и так продолжает происходить неоднократно. Начиная с 1825 года, периоды депрессии становятся глубже и продолжительней, а периоды приподнятости - реже. «Я не могу больше работать, здесь, на берегу реки, я хотел бы построить себе хижину и сделаться отшельником», - пишет поэт. Дуэль Пушкина и последующая за ней смерть чем-то напоминает самоубийство. Вся цепь событий, которая привела к роковому выстрелу, говорит о том, что Пушкин сознательно искал повода для дуэли. Дуэль с Дантесом не была случайностью – ей предшествовали еще два вызова на дуэль с Соллогубом и Репниным, которые поэт сделал за последние полтора года жизни. К счастью, дуэли не состоялись, но эти примеры являются показательными - Пушкин сам стремился найти повод для дуэли. Да, и в молодости горячий нрав поэта тоже не раз приводил к дуэли, но в последние годы жизни эта тяга стала патологической.

Франц Кафка, Эрнест Миллер Хамингуэй, Эдгар Аллан По, Вирджиния Вульф - культовые писатели, и все они страдали целыми наборами ментальных расстройств и в частности депрессией. Депрессия - это не просто легкое расстройство и чувство подавленности из-за каких-либо, даже не особо значимых, событий в жизни. Это серьезное заболевание, сопровождающееся упадком сил, ненавистью к себе и жизни, болезненному восприятию окружающей действительности и апатиями. Люди в таком состоянии временно прекращают быть полностью дееспособными, у них просто нет сил, зачастую даже просто встать утром с

кровати или поест. Негативные мысли буквально съедают их изнутри, давя на их и так тяжелое состояние своим весом.

Но в наше время, во время передовых технологий, мы можем помочь людям излечиться от этого состояния. Да, это не быстро и далеко не просто, но это возможно. Самое главное - разглядеть в человеке зарождающуюся или уже бушующую бурю под названием депрессия. Нам всем стоит быть внимательнее к своим близким и не отказывать им в поддержке, когда им это так сильно нужно - только таким способом мы сможем сократить количество страдающих этим расстройством. Кто знает, может, если вы сейчас поддержите своего друга в трудный момент, то скоро мир увидит новые "мертвые души"? И хоть это и правда возможно, самое главное - вы можете спасти человека от мучительной жизни, ведущей к не менее мучительной смерти.

СЕКЦИЯ №9.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОЗЕ А.С.ПУШКИНА

Макушина И.Н.

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Творчество А. С. Пушкина неразрывно связано с темой истории России. Писатель использовал историческую основу для создания большого числа произведений прозаического и поэтического характера, где он не просто воспроизводил ход исторических событий, но и делал попытку дать им оценку с точки зрения поэта и гражданина.

Пушкин с ранних лет был страстным поклонником литературы и художественного и исторического направления. Библиотека писателя включала большое количество книг по истории. А. С. Пушкин живо интересовался трудами российских и иностранных историков: Карамзина, Гизо, Батюшкова и др. В число любимых писателей поэта входили авторы, неоднократно обращавшиеся к исторической тематике: Державин, Жуковский, Мольер, Байрон, Гомер, Плутарх, Вальтер Скотт, Шекспир и т.п.

Благодаря тяге к изучению истории Пушкин смог накопить солидные знания энциклопедического характера, которые дополнялись и собственными впечатлениями. Пушкин писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно» [5: 20]. Руководствуясь этим принципом, многие отечественные писатели в разные эпохи обращались за вдохновением к историческим источникам. Ими двигала не только гордость за великую историю России, которую они стремились описать, но и желание разобраться в прошлом, чтобы глубже понять причины событий своего времени, ведь связь времен всегда неразрывна.

Внимание к истории России – замечательная страница творческого наследия великого поэта. Пушкин считал, что гражданин обязан бережно относиться к историческому прошлому, ведь для истинного патриота нет ничего важнее, чем «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» [2: 596].

Обращаясь к исторической тематике, Пушкин не мог обойти вниманием Петра Первого, с которым у него, как это не странно, было много общего. Учитывая великие реформы этого яркого государственного деятеля, который «двинул» развитие России вперед, с можно сравнить и Пушкина, ставшего своеобразным Петром великим в отечественной литературе. Тема Петра – одна из самых распространенных в русской литературе, и в творчестве Пушкина в частности. Поэт видел в нем не только исторического деятеля, Петр для него был символом мощной преобразовательной силы человечества, так как он смог привлечь сердца людей, взял на вооружение науку для развития общества, был ярким

сторонником всеобщего просвещения и постоянно ставил во главу угла мысль о великом предназначении России, стараясь своими трудами и делами вести ее к процветанию.

Наиболее полное раскрытие личности Петра, который «на троне вечный был работник» [2: 157], Пушкин дал в своем историческом романе «Арапе Петра Великого», первая публикация которого вышла в 1837 г. В этой книге автор показал самодержца с разных сторон: Петр с отеческой заботой об Ибрагиме, Петр – вечный деятель, простой и непринужденный в общении, Петр с критической оценкой аристократии, стремившейся к нормам западных дворян. А в сюжетной ветке с Ржевскими Пушкин показал Петра деспотом, выдав их дочь за своего фаворита Ибрагима, чем разрушил счастье Натальи и Валериана. Стремление Петра европеизировать Россию и отрицание реакционной старины не помешали ему быть типичным русским человеком. По словам Пушкина, Петр принимал многие русские обычаи и традиции, в которых не было патриархального примитивизма с дикостью.

В беседах с Ибрагимом царь показал свое истинное добродушие и веселый нрав, «что никто в ласковом и гостеприимном хозяине не мог бы подозревать героя полтавского, могучего и грозного преобразователя России» [6: 17]. Царь играет роль свата для своего крестника, ему по душе национальные блюда, он не откажется от увеселений и отдыха. Петр показан заботливым и внимательным человеком, который переживает за судьбу Ибрагима и готов помочь ему во всем, даже в случае своей смерти.

Пушкин показал царя живым человеком, склонным к веселью, добродушному лукавству, гостеприимным и радушным хозяином. Такие черты дополняют образ царя-реформатора, который видится автору воплощением национального характера. Пушкин отмечает, насколько царь был демократичен, он судил о людях и подбирал себе в окружение тех лиц, которые отличались умом, образованием, а не принадлежностью к высшим слоям общества. Пушкин показывает, насколько исторически закономерны все петровские преобразования и чем вызвана их необходимость.

Современники поэта дали роману самые высокие оценки, хотя книга осталась незаконченной. В. Г. Белинский писал: ««Будь этот роман кончен так же хорошо, как начат, мы имели бы превосходный исторический русский роман» [1: 576].

К самым значительным историческим произведениям Пушкина относится повесть «Капитанская дочка», впервые опубликованная в 1836 г. Объем работы по изучению исторических материалов и источников при написании этого произведения писателем стал наиболее значительным в творческом процессе. «Капитанская дочка» создавалась параллельно с историческим трудом «Историей Пугачевского бунта», серьезным документальным произведением, в основе которого лежит огромное количество свидетельств и кропотливая работа в государственном царском архиве, позволившие создать правдивую характеристику и описание ожесточенного противостояния двух враждующих сторон.

Повесть «Капитанская дочка» отходит от научной тяжеловесности, это художественная книга, написанная на материале исторических документов. Но несмотря на это Пушкин попытался на судьбе своих вымышленных героев, оказавшихся в гуще событий, продемонстрировать суть исторического момента, имевшего место в прошлом нашей страны, проследить за ходом истории, выявить его закономерности и дать свою философскую оценку бунта, жизни и истории в общем контексте.

В повести разворачивается яркое полотно стихийного восстания крестьян. Писатель показал всю широту национального и социального фона восстания, ведь за Пугачевым пошли и белогорские казаки, и башкиры, и татары, и чуваша, и крестьяне с уральских заводов.

Главным принципом, взятым автором за основу произведения, стал принцип историзма, так как ключевой линией сюжета стали реальные исторические события. Судьбы вымышленных героев тесно переплетены с реальными историческими деятелями. Автор удачно выбрал для написания форму мемуаров, что говорит о его исторической проницательности. В 18 веке в самом деле могли появиться воспоминания участников пугачевского восстания. Не случайно Пушкин выбрал в качестве рассказчика Петра Гринева. Ему был необходим «свидетель», который бы имел прямое отношение к событиям, был бы знаком с самим Емельяном Пугачевым и его соратниками. Пушкин специально избрал на эту роль дворянина и офицера, который верен своей присяге и долгу перед Родиной. Гринева показан автором образцом офицерской чести, благородства и доброты. Он отказал Пугачеву в ответ на предложение перейти на его сторону, так как уже присягнул императрице.

Пушкин устами Гринева рассказывает читателям не только о жестокостях и кровавых расправах пугачевцев, он также повествует и о справедливых деяниях Пугачева, его широкой душе, народной смекалке. Петр Гринева трижды проверял свою удачу перед лицом неминуемой опасности, и Пугачев

трижды его прощал. Гринев отмечает: «Мысль о нем неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты» [4: 388].

Большое место в книге отдано Емельяну Пугачеву. Автор последовательно раскрывает его характер по ходу действия исторических событий. Впервые Гринев с Пугачевым встретились в главе «Вожатый», а во вторую встречу Петр увидел уже не мужичка, а предводителя мятежников. Сцена освобождения Маши демонстрирует нам все великодушие и справедливость Пугачева. Он наказал Швабрина и отпустил Гринева с невестой. Емельян Пугачев у Пушкина выступает не в роли человека с ярлыком кровожадного убийцы, образ которого был распространен в публицистике 18-19 веков, а перед нами талантливый, отважный и смелый человек из простого народа.

Писатель глубоко раскрыл личность Пугачева, отметив его положительные качества – ум, смекалку, храбрость и героизм. Пугачев стал для Пушкина выразителем национального характера, который беспощадно готов уничтожить все антинародное, но проявляет великодушие и гуманность к простому народу.

Вместе с тем Пушкин показал, насколько Пугачев беспощаден к помещикам, не выделяя из них «добрых» или злых». Он чинит жестокую расправу с капитаном Мироновым и его людьми, хотя они хорошие люди, а не угнетатели крепостного народа. Но Пугачев также не забывает добро, которое ему делал Гринев. Наградой за чарку водки и знаменитый заячий тулупчик, которыми Петр одарил его в буран, стала впоследствии жизнь Гринева.

Пугачев для Пушкина является не только лидером бунтовщиков, который смог свергнуть в панику государство, но и простым казаком Емелькой. Автор умело показал насколько политически незрелым и слабым оказалось восстание крестьян. Пугачев заставляет называть себя «царем-батюшкой», потому что в народе всегда жила вера в «добраго царя». Автор окрасил Пугачева и в юмористический тон: его штаб-квартира украшена мишурой, а своих товарищей он называет «господами генералами». Но этот мягкий юмор не обесценивает образ предводителя восстания, потому что для Александра Сергеевича ключевым фактором в образе Пугачева стали его величие и героизм, заключенные в сказке об орле и вороне: лучше прожить жизнь короткую, но достойную, чем жить триста лет и питаться падалью.

Оценивая значение произведений А. С. Пушкина для дальнейшего развития отечественной литературы, нужно отметить, что он стал родоначальником традиций русской исторической прозы. Подобные разновидности обработки исторических источников в последующие периоды русской литературы будут использовать Л. Н. Толстой, А. Н. Толстой, М. Шолохов, К. Симонов и другие.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. Том 7. 732 с.
2. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 1. 643 с.
3. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 2. 799 с.
4. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 5. 658 с.
5. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 6. 583 с.

СЕКЦИЯ №11.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

**СЕКЦИЯ №13.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)**

**СЕКЦИЯ №14.
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)**

**СЕКЦИЯ №15.
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

**СЕКЦИЯ №16.
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)**

РУССКИЕ ПАЛИНДРОМЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Голайденко Л.Н., Бареева Г.М.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

Некоторые слова в русском языке обладают смысловой симметрией, они не отображаются зеркально, а только читаются без изменения справа налево, с конца к началу. Подобные слова и предложения носят название палиндромов и часто встречаются на страницах русской литературы, выступая в качестве речевых феноменов и весьма ярких выразительных средств.

Палиндром (греч. – «бегущий вспять», иначе палиндромон, перевертень) – фраза, построенная так, что ее можно читать и справа, и слева, сохраняя смысл, например *Атака заката* [2, с. 655 – 656].

Отдельные палиндромические словосочетания и фразы известны с глубокой древности, когда им зачастую придавался магически сакральный смысл. Так, например, не лишена этого оттенка фраза *На в лоб, болван!*, использовавшаяся русскими скоморохами в качестве перформативного высказывания.

Палиндромотворчество в русской литературе начинается в 17 веке и неуклонно развивается в последующие века.

Так, достоверно известно об авторском палиндромном стихе Г.Р. Державина *Я иду сь мечемь судия*, затем А.А. Фета *А роза упала на лапу Азора* [3, с. 140].

Первую попытку многострочного (и довольно длинного) стихотворного произведения в форме палиндрома предпринял В. Хлебников в поэме «Разин»:

*Сетуй, утес!
Утро чорту!
Мы, низари, летели Разиным.
Течет и нежен, нежен и течет.
Волгу див несет, тесен вид углов.
Олени. Синело.
Оно.*

Однако расцвета русский литературный палиндром, преимущественно стихотворный, достиг только в 1970 – 1990-е годы 20 века в творчестве Н.И. Ладыгина (*Но ты тонка, как ноты тон*), В.Л. Гершуни (*Меня истина манит сияньем*), Е.А. Кацюбы (*Восход в зеркале заката*, где текст слева направо – закат, справа налево – восход) и Д.Е. Авалиани, который попытался сформулировать свое теоретико-метафорическое представление о палиндроме в форме самого палиндрома:

*Палиндром:
иначе все –
и ты – боец,
вОвне локатор,*

*и широта колен
в овце.
О бытие!
...свеча,
ни морд, ни лап [10, с. 48 – 52].*

Теоретики и практики палиндромии выделили многочисленные пограничные с палиндромом формы. Самая яркая из них – оборотень. Это текст, читающийся слева направо иначе, чем справа налево. Пример оборотня встречается в творчестве Д.Е. Авалиани: *Анатом – за разум!*, обратное прочтение: *Муза размотана!* Такой палиндром извлекает из обратного чтения иной смысл, чем из прямого.

В наше время в большинстве случаев палиндромы – лингвистическая игра. Не все из них обладают глубоким содержанием, но некоторым составителям удается создать палиндромы достаточно осмысленные и порой забавные. Вот несколько примеров:

- *Аргентина манит негра.*
- *Ася, молоко около мяса.*
- *А щетка как теща.*
- *Кит на море – романтик.*
- *Но невидим Архангел лег на храм, и дивен он.*
- *Тропа налево повела, на порт.*
- *Туши рано фонари, шут!*
- *Уведи у вора корову и деву.*
- *Удавы рвали лавры в аду.*
- *Ужас. Ангел лег на сажу.*
- *Уж редко рукою окуроч держу.*
- *Надо меч в кулак, а лук – в чемодан.*
- *Шорох от дубка как будто хорош.*
- *Тут хорош сыр к еде, крыс шорох тут [4].*

Обобщая все имеющиеся на сегодня классификации палиндромов, можно выделить следующие виды:

- 1) буквенный;
- 2) слоговой;
- 3) словесный;
- 4) лексический;
- 5) синтаксический;
- 6) белый.

Рассмотрим их подробнее.

Первый вид палиндрома – буквенный – это стихи, где отдельные буквы, располагаясь в обратном порядке, при чтении как слева, так и справа произносятся одинаково:

*Я рад, даря,
Даря, я рад [7].*

Второй вид палиндрома читается с конца к началу по слогам или частями слов и называется слоговым. Чтобы понять, как он устроен, следует разбить фразу поэта Г. Лукомникова на слоги:

Не спи на спине.

Третий вид палиндрома – словесный – более труден в создании, зато и более интересен. Он представляет собой стихотворение, которое читается и с начала, и с конца с сохранением одинакового смысла, но уже не по буквам, а по словам:

Я не любил ее, ее любил не я... [7].

Такой палиндром на стилистическом уровне воспринимается как хиазм – «зеркальный» лексический повтор, усиливающий смысловое содержание фразы и расставляющий логические акценты на компонентах «не любил» и «не я».

Следующий, четвертый вид палиндрома – лексический – представляет собой не точное противопоставление значения, а лишь противительную семантику, например, во второй и третьей строках стихотворения С.Я. Маршака:

*Вам от души желаю я,
Друзья, всего хорошего.
А все хорошее, друзья,
Дается нам недешево!*

Пятый – синтаксический – палиндром заключается в противопоставлении синтаксической конструкции предложения. В качестве примера можно рассмотреть стихотворение В.А. Жуковского «А.С. Пушкин»:

*Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе
Руки свои опустив; голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним...*

Белый же палиндром, по аналогии с белым стихом, отличающимся от обычного стихотворения отсутствием рифмы, не читается с обратной стороны. Пример белого палиндра встречается в творчестве Л. Каганова:

Ум мал, да толк ему.

Палиндром – это речевой феномен, который по своей сути напоминает ещё одно текстовое явление, называемое анаграммой. Но ошибочно предполагать, что они родственны.

Первоначально анаграмма существовала как род тайнописи и, казалось бы, могла пониматься лексически – как перестановка букв в слове в произвольном порядке. Но в данном случае шифруется не единица языка, а сообщение (текст), возможно, состоящее из одного слова. Поэтому определение анаграммы таково: «Слова или словосочетания, образованные путем перестановки букв, входящих в состав другого слова» [9, с. 16].

В противном случае анаграмму следовало бы считать явлением того же порядка, что и палиндром, иллюстрируя и то и другое лексическими примерами, а не текстовыми.

Общим для анаграммы в любом понимании и палиндра является то, что они издавна осмысливались как способ чтения и вид текста, отличные от обычного – загадочные и сакральные.

Палиндром – это прием подбора словесной конструкции, допускающей одновременно и традиционное «прямое» (в европейской литературе – слева направо), и «обращенное» (справа налево) прочтение одной и той же осмысленной фразы [5, с. 183]. Например, одинаково с начала и с конца читается моностих А.А. Вознесенского *А луна канула*, заглавие же книги его стихотворений – «Аксиома самоиска».

Палиндром – это абсолютное проявление симметрии в литературе [1, с. 257]. Симметрия не только придает палиндрому гармоничный графический вид, но и определяет его благозвучие: из-за удвоения букв возникают звуковые повторы при чтении.

Большинство палиндромов – моностихи, поэтому многим образцам жанра свойственна афористичность. Например, палиндром Д.Е. Авалиани:

У тени или мафии фамилии нету [6, с. 198].

Существуют и многострочные опыты палиндромов, однако редкие из них содержат осмысленные фразы и не содержат при этом «случайных» неологизмов, образовавшихся вследствие несовершенства техники поэта-палиндромиста. Так, в палиндроме В.В. Набокова все-таки ощущается искусственность представленного микросюжета:

Я ел мясо лося, млея...

Рвал Эол алоэ, лавр.

Те ему: «Ишь! И умеет

Рвать!» Он им: «Я – минотавр!» [11, с. 468 – 450].

Происхождение палиндра обуславливается взаимодействием нескольких равнозначных факторов. Во-первых, эстетическим чувством зеркальной симметрии, её почти математическим выражением, только не в цифрах, а в буквах. Во-вторых, эстетикой игры ума, интеллектуального упражнения в высшем мастерстве. Неслучайно палиндром помещается в сферу тайн ремесла, известных и подвластных лишь искусным мастерам поэтического слова.

Сочетание различных стилей речи, словотворчество, художественная значимость каждой лексической единицы и одновременно ограниченные наборы звуков и слогов создают неповторимую магию слова. Главная же трудность состоит в создании палиндра, не лишённого смысла, ведь зачастую большинство современных авторов стремится не к смысловой глубине и ассоциативности созданного палиндра, а к соблюдению формы и увеличению объема [7, с. 158 – 160].

Таким образом, палиндромия представляет собой структурно развитую, хоть и мало изученную, сложную систему, которая распространена в современной художественной литературе. Под палиндромией понимается специфическая художественно-изобразительная речь, основу которой составляет симметрия (по преимуществу зеркального типа) элементов текста, с учетом возрастающей роли межтекстуальных отношений, наблюдаемых преимущественно в системе устойчивых словесных выражений.

Список литературы

1. Аксенова Е. Палиндром // Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 2014. – 257 с.
2. Гаспаров М.Л. Перевертень // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 655 – 656.
3. Гаспаров М.Л. Стиховой палиндромон: Фет и Минаев // *Semiotics and the History of Culture*. – Ohio, 2001. – С. 338 – 347.
4. Карпов А. И пиши, и шипи // Труд. – 2000. – № 118 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trud.ru/article/29-06-2000/8176_i_pishi_i_shipi.html (дата обращения: 13.04.2017).
5. Квятковский А. Словарь поэтических терминов. – М.: Либроком, 2014. – 190 с.
6. Конюхова Л.Н. Палиндром как инвариант моностиха в русской поэзии XX века // Вестник Московского государственного областного университета. – 2008. – № 3. – С. 194 – 200.
7. Корман В.М. Палиндромы. Зона заноз – перевертни // Самиздат. – 2016. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/k/korman_w_m/001palindromes.shtml (дата обращения: 05.04.2018).
8. Орел В.Э. Заговор-палиндром // Русская речь. – 2005. – № 3. – С. 158 – 160.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 2001. – 399 с.
10. Урицкий А. Антология русского палиндрома XX века // Знамя. – 2001. – № 1. – С. 48 – 52.
11. Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсанлек А.Я. Введение в литературоведение: Учебное пособие. – М.: Высш. шк., 2004. – С. 448 – 450.

ФИТОНИМЫ КУСТ, ДЕРЕВО, БЕРЁЗА В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА

Голайденко Л.Н., Карлова А.В.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

Индивидуальное мировосприятие Сергея Александровича Есенина отражается на всех уровнях иерархически организованной структуры его произведений и определяет отбор именно тех речевых элементов, которые по своим языковым свойствам являются наиболее адекватными для отражения авторского понимания действительности и реализации коммуникативной установки текстов, их идейно-эстетической направленности.

Представления поэта о мире воплощаются прежде всего в лексике: её семантике, отнесенности к определенным лексико-семантическим группам, особенностях функционирования в художественных произведениях.

Очень значимой в поэзии С.А. Есенина является лексика так называемой растительной семантики, объединяемая в тематическую группу «Флора».

В этой группе выделяются следующие подгруппы: а) лексемы, называющие целое древесное растение; б) лексические единицы, называющие часть древесного растения; в) лексические единицы, номинирующие совокупность древесных растений [6, с. 32].

В лингвистике для номинации растения используется термин «фитоним» [7, с. 175].

К древесным растениям в ботанике относят кустарники и деревья. Хотя в поэзии С.А. Есенина более полное выражение получил мир деревьев, родовое понятие *дерево* употребляется редко (7 контекстов) – гипероним *куст* является более частотным (21 контекст).

Лексему *куст* поэт использует для метафорической характеристики головы и волос:

Ах, увял головы моей куст («Хулиган»); Облетает моя голова, / Куст волос золотистый вянет («По-осеннему кычет сова...»).

С.А. Есенин персонифицирует это растение, воспринимая его как близкого человека:

Я хотел бы под конские храпы / Обниматься с соседним кустом («Ветры, ветры, о снежные ветры...»).

Более того, лирический герой готов и сам обратиться в куст, слившись с близкой его сердцу природой [3, с. 21]:

Хоть бы стать мне кустом у воды («Русь»).

По мнению А. Марченко, «метафора, разрешающая соединить жёлтый осенний куст и желтоволосяную голову на основании зрительного подобия, образует эффект «двойного» зрения. Но это широкое зрение только следствие широкоугольного двойного «чувствования»: голова потому «куст», что Есенин уверен в том, что все мы есть чада древа, потому что считает: «Всё от древа – вот религия мысли нашего народа» [4, с. 34].

Наряду с фитонимом «дерево», в поэзии С.А. Есенина активно употребляются наименования деревьев и кустарников конкретного вида, которые могут быть представлены по степени возрастания их частотности: *каштан – 1, кипарис – 1, можжевель (можжевельник) – 1, олеандр – 1, ольха – 1, вишня – 2, вяз – 2, кедр – 2, калина – 4, ракета – 4, сирень – 5, ветла – 6, яблоня – 8, верба – 9, тополь – 10, дуб – 12, рябина – 12, сосна – 13, осина – 14, черёмуха – 16, ель – 17, ива – 17, липа – 17, клён – 20, берёза – 59.*

Существительное *дерево* (в устаревшей форме *древо*) встречается в поэтических контекстах, связанных с обрядовой символикой, например:

Он смуглой горстью меж тихих древ / Бросает звезды – озимый сев («Под красным вязом крыльцо и двор...»).

Кроме того, в художественном мире С.А. Есенина дерево часто олицетворяется (*Деревьям, в зелень разодетым* («Весна»), а его образ используется для характеристики лирического героя посредством включения фитонима в структуру сравнения или метафоры [3, с. 90]:

Скоро белое дерево сронит головы моей жёлтый лист («Кобыльки корабли»); Как дерево роняет тихо листья, так я роняю грустные слова («Отговорила роща золотая...»); Я хотел бы стоять, как дерево, при дороге на одной ноге («Ветры, ветры, о снежные ветры»).

Персонификация деревьев прежде всего связана с мировосприятием людей. Справедливо в связи с этим замечает А.Н. Афанасьев: «Как дерево шумит листьями, так человек говорит словами. Отсюда слово представляется листом древесным» [1, с. 69].

Самым частотным в произведениях С.А. Есенина является фитоним *берёза*. Образ этого дерева занимает центральное место в творчестве поэта. Неслучайно соответствующий образ появляется в самом первом опубликованном стихотворении поэта «Вот уж вечер. Роса...» [3, с. 86]. Берёза для С.А. Есенина – символ России, что соответствует общей лингвокультурологической трактовке данной номинации, которая традиционно считается лингвокультуремой. Об этом свидетельствуют, например, следующие строки из произведений поэта:

Эх, берёза русская! («Вижу сон. Дорога черная...»); Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь. / В три звезды березняк над прудом / Теплит матери старой грусть («Я покинул родимый дом...»).

Создавая лирические пейзажи, С.А. Есенин очень часто обращается к образу березы в качестве одного из важнейших элементов русской природы, причём данный фитоним в разных контекстах выполняет функцию не только «ограниченных, но и межсобытийных методов и приемов» [4, с. 56], поскольку берёза изображается в разное время года:

Белая берёза под моим окном / Принакрылась снегом, точно серебром («Береза») (зима); Я помню осенние ночи, / берёзовый шорох теней... («Я помню, любимая, помню») (осень); И страна берёзового ситца / Не заманит шляться босиком... («Не жалею, не зову, не плачу...») (лето).

Это дерево, как правило, вызывает у автора светлое, радостное настроение [3, с. 41]:

Здравствуй, золотое затишье, / с тенью берёзы в воде! («Вот оно, глупое счастье...»); Милые берёзовые чащи! («Мы теперь уходим понемногу...»); Отговорила роща золотая / Берёзовым весёлым языком... («Отговорила роща золотая...»).

Чаще всего берёза ассоциируется с красивой, нарядной и весёлой девушкой:

Берёзки! / Девушки-берёзки! («Письмо к сестре»); Зеленокосяя, / В юбочке белой / стоит берёза над прудом («Мой путь»); Улыбнулись сонные берёзки / Растрепали шёлковые косы («С добрым утром!»); Под берёзкою-невестой («Микола»); На берёзках висят галуны («Русь»); Серьги звонкие повесила («Прячет

месяц за овинами»); *Меж берёз кудрявых бус* («Чую радуницу Божью...»); *Под косницами берёз* («Микола»). Такое восприятие данного дерева основывается, безусловно, на народнопоэтических взглядах.

По мнению Е. Наумова, в русском народном творчестве традиционно используется условно-символическое обозначение деревьев и берёза символизирует девичью чистоту. Поскольку в русском национальном сознании образ берёзы имеет этноспецифический смысл, можно утверждать, что называющий это дерево фитоним выступает в качестве этнографического индикатора, актуализирующего соответствующую культурную информацию в сознании читателя [5, с. 98]. Вероятно, символ берёзы каузируется белым цветом её коры, поскольку белый цвет во многих культурах, в том числе и русской, порождает устойчивую ассоциацию с чистотой и невинностью.

В национальном сознании, в русском фольклоре связь образов берёзы и девушки лишена сакральных мотивов. В поэзии же С.А. Есенина образ девушки-берёзки обретает конкретные телесные черты. Лирический герой выделяет в её облике и точно называет определённые части девичьего тела [4, с. 64]: стан (*Я навек за туманы и росы / Полюбил у берёзки стан...* («Ты запой мне ту песню, что прежде...»)), грудь (*Зелёная причёска, / Девическая грудь...* («Зелёная причёска...»)); *Уж и берёза! / Чудная... А груди...* («Мой путь»), колени (*За голые колени / Он (пастух) обнимал меня (берёзку)* («Зелёная причёска...»)), ноги (*Тот почти берёзке каждой / Ножку рад поцеловать* («Мелколесье. Степь и дали...»)).

Лирический герой С.А. Есенина, наделяя берёзу душой и телом, воспринимает её как земную девушку, женщину и в поэтической действительности обращается с ней соответствующим образом, выражая свои чувства просто, а иногда и по-крестьянски грубовато [2, с. 66]:

Отрок-ветер по самые плечи / заголил на берёзке подол... («Закружилась листва золотая...»); *Так и хочется к сердцу прижать / Обнажённые груди берёз!* («Я по первому снегу бреду...»); *Как жену чужую, обнимал берёзку...* («Клён ты мой опавший, клён заледенелый...»).

Таким образом, анализ речевого материала показывает, что лексика растительной семантики играет важную роль в создании художественного мира С.А. Есенина. Образ берёзы служит не только для описания среднерусского пейзажа, но и передает индивидуально-авторское восприятие родной природы. Для лирического героя С.А. Есенина характерно стремление соединиться с природой, найти своё воплощение в образах тех или иных деревьев, кустарников, которые всегда поэтом персонифицируются.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Том 1. – М.: Просвещение, 2006. – 231 с.
2. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. – М.: Просвещение, 2002. – 291 с.
3. Есенин С. Собрание сочинений: в 3-х томах. – М.: Правда, 2007. – 338 с.
4. Климова Л.А. Природа в художественной картине мира. – М.: Знание, 2014. – 231 с.
5. Наумов Е.И. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. – М.: Просвещение, 2008. – 156 с.
6. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Просвещение, 2005. – 182 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Просвещение, 2002. – 256 с.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

СЕКЦИЯ №18.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)

СЕКЦИЯ №19.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)

ПРОДУКТИВНОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ НС + KUSS

Буртыль Е.А.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Словарный состав языка – система, пребывающая в постоянном движении, которая совместно с механизмом словообразования создаёт основу для наблюдений и обобщений в силу обширности исследовательского материала. Историческая лексикология утверждает, что слова образуются из реально существующего языкового материала на основе продуктивных в современном состоянии моделей. Однако по своей продуктивности словообразовательные способы друг другу не идентичны.

В изучение словообразования немецкого языка большой вклад внесли следующие отечественные и зарубежные лингвисты: Е.С. Кубрякова, К.А. Левковская, М.Д. Степанова, В. Фляйшер, В. Хенцен, Т. Шиппан, Ф. Дорнзайф, В. Циллиг и другие.

Не смотря на тот факт, что словообразование является одним из важнейших способов обогащения словарного состава языка (наряду с заимствованием), существует большое количество словообразовательных конструкций, которые неоднозначно рассматриваются исследователями, так как в лингвистике не существует единой трактовки словообразовательной модели как единицы словообразования [3, 4]. Разделение основывается на видах словообразовательных элементов, их комбинации и образующегося словообразовательного значения. Таким образом, развитие заключается не в появлении новых способов словообразования, а в использовании конкретных моделей, которые, в свою очередь, подразделяются на продуктивные и непродуктивные. Продуктивной, согласно О.С. Ахмановой, считается модель, пригодная «для создания новых слов и форм, понятных говорящим на данном языке» [1].

М.Д. Степановой выделены пять основных способов словообразования в немецком языке: изменение корня слова, переход слова из одного лексико-грамматического класса в другой, словосложение, префиксация и суффиксация [5]. Однако следует отметить, что основную роль в словообразовании немецкого языка выполняет словосложение, оставаясь продуктивным способом и в настоящее время [2]. Рассмотрим данное утверждение более подробно на примере словообразовательной модели 1НС + Kuss и Kuss + 2НС.

Возможность сочетания различных основ в немецкоязычном сложном слове теоретически безгранична, словосложение представлено в системах разных частей речи. Например, в системе прилагательного наблюдаются композиты, выражающие отношения сравнения и усиления: kusswillig, kussfaul, kussfreudig, kussbegeistert, kussaktiv, kussecht, kussmobil. Однако подавляющее большинство встреченных новообразований принадлежит группе имени существительного, что объясняется лёгкостью их создания в процессе речи для выражения многогранных смысловых отношений, где их характер не выражается формально, а становится понятным из семантики непосредственно составляющих. Тем не менее иногда семантизация по НС представляется невозможной в силу внешней немотивированности использованных компонентов, что приводит к необходимости уточнения внешнего контекста.

Наибольшее распространение композиты получают в специализированных текстах и новостях, а самую актуальную часть словарного состава современного немецкого языка представляют неологизмы, косвенно отражающие унастроения общества, тенденции его развития, дух времени.

Основываясь на идее Ф. Дорнзайфа о членении словарного состава языка по тематическим группам (Sachgruppen) [7], была разработана классификацию сложных существительных с компонентом «Kuss» в качестве первой или второй НС.

Центральным понятием является Kusswelt, которое объединяет следующие направления:

1. Искусство поцелуя (Kusskunst)
 - 1.1. Обучение (Kussschulungen, Kusscamps)
 - 1.1.1. Литература (Kussanleitung, Kusswegweiser)
 - 1.1.2. Преподаватели (Kussmeister, Kussexperten)
 - 1.1.3. Принципы (Kussgeheimniss, Kussvertrauen)
 - 1.1.4. Техника поцелуя (Kusstechnik, Kussattacken, Kussstand, Kussposen, Kussintensität, Kusslänge)
 - 1.1.5. Предпочтения (Spitzmundküsserinnen, Lippenkussliebhaber, Vielküsser, Kussmuffel, Kussfeind)
 - 1.2. Виды поцелуев (Kusstypen/Kussarten: Luftkuss, Pustekuss, Fußkuss, Handkuss, Stirnkuss, Kopfkuss, Wangenkuss, Nasenkuss/Eskimokuss, Schnüffelkuss, Schmetterlingskuss/Wimpernkuss, Mundkuss, Lippenkuss, Spitzkuss, Zungenkuss/Seelenkuss/Herzenkuss)

2. Поводы для поцелуя (Kussgelegenheiten/Kussmotive: Liebeskuss, Überraschungskuss, Überzeugungskuss, Begrüßungskuss, Willkommenskuss, Abschiedskuss, Verabschiedungskuss, Ehrenkuss, Huldigungskuss, Unterwerfungskuss, Gutenachtkuss, Gutenmorgenkuss)
3. Поведение в обществе, связанное с поцелуем (Kussverhalten)
 - 3.1. Церемонии и ритуалы (Kussrituale/Kusszeremonien: Erdkuss, Siegerkuss)
 - 3.1.1. Церковь (Friedenskuss, Segenskuss, Osterkuss, Pilgerkuss, Papstkuss)
 - 3.1.2. Свадьба (Verlobungskuss, Hochzeitskuss, Brautkuss)
 - 3.1.3. Обычаи (Handkussstite, Kusswurf, Fruchtbarkeitskuss, Mistelzweigkuss)
 - 3.1.4. Развлечения (Kusspiel, Kussrunde, Kussstrafe, Küssstanz, Küssbacken)
 - 3.2. Политика (Versöhnungskuss, Bruderkuss)
 - 3.2.1. Борьба за права (Kussrechte, Kussfreiheit)
 - 3.2.1.1. Демонстрации (Schwesternkuss, Kussfreunde, Kussdemo/Kusskundgebung, Kussaktion, Kussaktivisten)
 - 3.3. Ограничения (Kussverboten)
 - 3.3.1. Места для поцелуев (Kussplätze, Kusszonen, Kussparkbank, Kusszelle)
 - 3.4. Праздник (Weltkusstag, Küssfest)
 - 3.4.1. Соревнование (Kusswettkampf, Kussmarathon, Kussrekord)
 - 3.5. Указание на субъект
 - 3.5.1. Женский (Mädchenkuss, Weiberkuss, Frauenkuss, Mutterkuss, Lesbenkuss)
 - 3.5.2. Мужской (Männerkuss, Vaterkuss, Schwulenkuss)
 - 3.5.3. Смешанный (Verwandtenkuss, Freundschaftskuss, Hurenkuss)
4. Культура (Kusskultur, Kussnation, Kusskrise)
 - 4.1. Наука (Kussforschung, Kussforscher, Kusswissenschaftler)
 - 4.1.1. Медицина (Kusskrankheit, Pferdekuss, Kussarznei)
 - 4.2. Искусство (Kusslied, Kussongs, Kussgedichte, Kusswalzer, Kusskarten)
 - 4.2.1. Фильмы (Kusszene, Fernsehkuss, Filmkuss, Bollywoodkuss, Hollywoodkuss)
 - 4.3. Блюдо (Schaumkuss, Negerkuss, Schokokuss, Negershaumkuss)
5. Поцелуи животных (Affenkuss, Lamakuss, Schnabelkuss, Weihekuss)

Г. Н. Шевченко было выделено два типа продуктивности: первый связан с образованием неологизмов, необходимых для удовлетворения общественных потребностей в конкретный период времени; второй тип служит для создания окказионализмов, используемых в стилистических целях для придания выразительности или акцентирования внимания реципиента [6]. Если к первому типу можно отнести подавляющее большинство перечисленных сложных существительных, некоторые из которых уже преодолели стадию неологизмов, то для создания представления о втором типе будет достаточным привести следующие примеры: Funkenkuss, Flammenkuss, Kussmichlippenstift, Küssenpfennig, Waschmaschinenküsser.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, напомним, что пополнение словарного состава современного немецкого языка происходит за счёт действия разнообразных лингвистических факторов, но наиболее продуктивным является словосложение, в особенности образование сложных существительных, которые отличаются большим разнообразием морфологического состава.

Также отметим, что некоторые сложные слова с компонентом «Kuss» ещё требуют тщательного изучения. В дальнейшем перед нами стоит задача создания моделей, демонстрирующих функционирование анализируемых сложных слов. Однако уже на данный момент собранный языковой материал, представленный в классификации, свидетельствует о продуктивности словообразовательной модели NS + Kuss.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Наука, 1969. 365 с.
2. Егорочкина Л. В. Основные пути развития словарного состава немецкого языка и способы словообразования в немецком языке с точки зрения их продуктивности // Вестник Башкирского Университета. 2011. №1. С. 130-133.
3. Земская Е. А. Понятие производности, оформленности и членимости основ // Развитие словообразования современного русского языка. 1966. №2. С. 9-14.
4. Лопатин В. В. О границах словообразовательного типа // Материалы V научной конференции «Проблемы словообразования в современном языкознании». РГУ. 15-18 мая. Рига, 1969. С. 8-13.

5. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М. : КомКнига, 2007. 376 с.
6. Шевченко Г. Н. Некоторые замечания о словообразовательном анализе // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток, 1978. С. 106-110.
7. Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin : Walter de Gruyter Verlag, 2004. 933 S.

ПОПОЛНЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ВОКАБУЛЯРА В XXI ВЕКЕ

Елисеева В.В.

Санкт-Петербургский государственный Университет, г. Санкт-Петербург

Пополнение словарного фонда языка может проходить разными путями, основываясь на вариативных возможностях языковых средств. Не в последнюю очередь вокабуляр расширяется за счет неологизмов – различных типов новых лексем. Термин «неологизм» неоднозначен. В разных исследованиях под ним зачастую понимается разный набор языковых новообразований – новые термины, единицы сленга, синонимичные уже устоявшимся, авторские окказионализмы, эфемеризмы. Такое объединение лексических инноваций под общим термином «неологизм» представляется неправомерным по ряду причин.

Прежде всего, стоит учитывать такие параметры, как принадлежность инновации к единицам языка или речи, а также их функциональные возможности. Общепринятые характеристики неологизма – необычность комбинации языковых элементов при образовании и отсутствие фиксации слова в общих словарях – явно недостаточны и ненадежны. Во-первых, комбинация языковых элементов в новом слове может быть и вполне обычной в силу как языковых законов (фонологических, морфологических и семантических правил сочетаемости), как в примерах *microfiction*, *motherism*, так и при образовании, например, нового слова с помощью вторичной номинации (*curate – to select, organize and maintain a collection of resources*). Во-вторых, фиксация слова в словарях носит в наше время весьма условный характер, поскольку интернет-версии современных словарей (в частности Макмиллан) содержат часто обновляемые сайты (см., например, [2]). Другое дело – целевое предназначение вновь создаваемого слова. Слова, изначально создаваемые с целью закрепления в сфере языка (в частности, термины) должны, очевидно, отвечать таким требованиям как воспроизводимость слова вне первоначального контекста и продуктивность используемой модели, то есть постоянным параметрам языковой системы. Целевое назначение авторских неологизмов (окказионализмов) иное. Создаваемые, как следует из самого термина, «для данного случая», эти лексические инновации очевидно обладают противоположными признаками – теснейшей связью с контекстом вплоть до полной невозможности воспроизводимости лексемы вне его, и, в связи с этим, новизной, не зависящей от времени создания. Примерами могут служить окказиональные лексемы в романах Дж.Ффорде (*entroposcope*, *grammasite*, *pigmentiser*). Как в семантическом, так и (хотя и в меньшей степени) словообразовательном плане, незаданность системой языка можно считать ведущей характеристикой окказионализма. Так, в окказионализме *showmance* (*a romantic relationship between two members of the cast of a show*) наблюдается семантически незаданное соединение основы *show* и фрагмента второй основы *romance*. В слове *humblebrag* (*a statement in which one pretends to be modest, but in fact uses it as a way of telling people about one's success*) значения обеих основ антонимичны друг другу; кроме того, их грамматическая сочетаемость также незадана системой языка. Восприятие нового слова невозможно без его сопоставления с уже существующими лексемами, как невозможно его создание без использования актуальных словообразовательных моделей. Иными словами, важную роль в создании и интерпретации нового слова играет аналогия. Помимо того, что она позволяет связать неологизм с частеречной категорией, ЛСГ, воспринять смысл, обнаружение аналогии дает толчок к появлению новых ассоциативных связей. Наиболее отчетливо действие аналогии видно на словообразовательном уровне; соответствие той или иной словообразовательной модели способствует четкой привязке неологизма к соответствующей категории. Так, среди неологизмов последних лет обнаруживаются слова, построенные по активно используемым словообразовательным моделям [1]. Вместе с тем, не меньшее значение в образовании и дальнейшем функционировании нового слова имеет и противоположный процесс – нарушение нормы на разных уровнях, то есть, деформация. Она прослеживается на всех языковых уровнях – от графического (*RINO*), звукового (*twitchfork*), до уровня ассоциативного (*motherism*). Оба процесса – аналогического сопоставления и деформации – тесно взаимодействуют между собой, что в значительной мере определяет их принадлежность к языку или речи.

При ведущей роли аналогии увеличивается потенциальная возможность воспроизводимости нового слова вне жесткого контекста, что делает возможным его вхождение в языковую систему, то есть приобретение словом статуса неологизма. Преобладание деформации на разных уровнях повышает роль контекста в восприятии нового слова и относит его к окказиональным единицам, то есть единицам речи. Рассмотрим примеры.

Ведущая роль аналогии ясно видна в примерах *sharent* и *babylag*, образованных разными способами. В первом случае перед нами бленда, состоящая из фрагментов основ *share* и *parent*, причем превалирующее место явно занимает второй фрагмент. Значение слова (*a parent who regularly uses social media to share a lot of detailed information about their child*) довольно легко, хотя и не полностью, восстанавливается и вне узкого контекста. В примере *babylag* важна аналогия с существующим в узусе словом *jetlag*. Значение окказионализма в значительной мере совпадает с узуальным словом, отличаясь только в последней части (*a feeling of being tired and sometimes confused because of the lack of sleep caused by looking after a very young baby*). В обоих примерах возможность перехода окказионализма в неологизм весьма вероятна.

Несколько иначе дело обстоит в случае преобладания деформации. Так, в примере *titanorak* (*a person who has a keen interest in the history connected with the sinking of the Titanic in 1912*) деформация содержится в переносном, сленговом значении второго компонента (*a person who has a keen interest in something that most people find boring or not fashionable*), делая почти невозможным восприятие целого слова вне контекста.

Окказионализм изначально направлен на обслуживание данного контекста при определенных обстоятельствах. Частое повторение того же набора обстоятельств создаст тот же самый или аналогичный контекст, вместе с чем расширятся и возможности повторного употребления того же нового слова. Окказиональная лексическая единица выйдет за рамки единицы речи и может перейти в статус неологизма до тех пор, пока последний, под влиянием той же частотности употребления, не войдет в узус. Чаще всего такой процесс возникает в тех типах текстов, где новое слово возникает в результате творчества группы людей (копирайтеров, журналистов и т.д.). Новое слово может повторяться в близких контекстах в разных выпусках журнала, газеты, в рамках рекламы одного товара ит.д. Наиболее удачные из этих единиц и закрепляются сначала в статусе неологизма, а затем и в узусе. Ярким примером этого являются многие торговые марки, такие как *microfiction*, *hamdog* и другие.

При переходе окказиональной единицы в статус неологизма прослеживаются несколько тенденций:

1. При частом повторе в аналогичном контексте наблюдается стирание деформации, имевшей преобладающее значение при образовании нового слова.
2. В том же контексте при смене коммуникативной установки повышается роль информативной функции нового слова.
3. Стилистическая функция окказионализма ослабевает, подготавливая переход из речевых в языковые единицы.

Как уже было замечено, не всем неологизмам предстоит пополнить основной вокабуляр – языковую часть узуса. Многие новые слова останутся либо только в статусе окказиональной, не выходящей за рамки строго определенного контекста, единицы, либо окажутся эфемеризмами.

Таким образом, пополнение вокабуляра английского языка в 21 веке идет в основном традиционным путем. Взаимодействие аналогии и деформации в новых словах, проявляясь в разных пропорциях, обеспечивает разную функциональность единиц и, соответственно, их разный статус.

Список литературы

1. Елисеева В.В. Английские неологизмы XXI века: некоторые тенденции словообразования и функционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 9, «Филология. Востоковедение. Журналистика», выпуск 1, 2015, сс. 75-83
2. Macmillan English Dictionary URL: <http://www.macmillandictionary.com/buzzword/recent.html>

АРТИКЛИ КАК МЕЛОЧИ ОГРОМНОЙ ВАЖНОСТИ / ARTICLES AS UNITS OF GREAT IMPORTANCE/

Поползина Л.П.

Кемеровский государственный институт культуры

Аннотация: в статье рассматривается роль артиклей в дисциплине «английский язык» и анализируются особенности употребления неопределенного и определенного артиклей в разных аспектах иностранного коммуникативного общения и чтения оригинальных текстов по специальности. Статья дает ряд примеров отсутствия артиклей перед существительными, показывая, что существительные используются в общем смысле. В статье также исследуется употребление артиклей как одного из самых сложных грамматических явлений, учитывая многочисленные ошибки по их применению.

Ключевые слова: существительное, прилагательное, предлог, числительное, неопределенный артикль, определенный артикль, класс, объект, предмет, контекст.

Abstract: the article deals with the role of articles in the English language and analyses the peculiarities of usage of indefinite and definite articles for special purposes of intercultural communication and reading special texts. The article also shows some examples of the absence of articles with the class nouns in the plural, with abstract nouns and nouns which are used in a general sense. The usage of articles is researched as one of the most complicated grammatical structures, taking into consideration numerous mistakes which are made.

Keywords: noun, adjective, preposition, numeral, an indefinite article, a definite article, class, object, subject, context.

Одна из трудностей состоит в том, что обучение употреблению артиклей происходит без опоры на родной язык, в котором артикли отсутствуют. Английские артикли употребляются для отражения оттенков существительных. Весь комплекс современного вузовского обучения английскому языку направлен на формирование у студентов необходимых компетенций по будущим специальностям. На практических занятиях английского языка формируются и развиваются умения общаться в профессиональной среде, читать, переводить и аннотировать оригинальные тексты по специальности. Вовлекая студентов в разнообразные деловые, культурно – бытовые и профессиональные ситуации, студентам предлагаются грамматические упражнения на артикли. На последующих этапах даются более сложные задания: подготовить доклад на студенческую научно-практическую конференцию, сделать презентацию по теме, написать сочинение и быть готовым к живой беседе с экзаменаторами.

Одной из важных задач в системе обучения английскому языку является высокая частотность употребления артиклей в различных видах заданий, способствующих обучению навыкам правильного их использования в речи. Любой артикль употребляется только перед существительным, а также прилагательным, причастием или числительным, но только когда они предшествуют существительному. Если есть артикль, то имеется существительное рядом или идет вслед за определением. Хорошо знать употребление артиклей необходимо, так как они часто встречаются в письмах делового общения, чтения оригинальных и профессионально направленных текстах. Употребление артиклей напрямую зависит от контекста.

На протяжении истории английские артикли видоизменялись: определенный артикль *a, an* произошел от числительного *one* – один. А определенный артикль *the* от относительного местоимения *that* – тот. Оттенки со значениями «один» и «тот» частично сохранились до сих пор.

Используемые грамматические учебники предоставляют схемы и случаи употребления артиклей. Например, неопределенный артикль (*the indefinite article*) употребляется для обозначения принадлежности предмета к какому-либо классу предметов, впервые упомянутому предмету, одному из ряда однотипных и перед абстрактным существительным при наличии описательного определения. Упражнениями коммуникативного характера в вузе выступают ситуации по развитию устной речи по определенным темам. Работая по учебнику *Global English*, студенты по предъявленным заданиям делают сообщения о себе, своей семье, учебным и другим занятиям. При этом они нацелены на правильный порядок слов в предложении и другие грамматические явления, в том числе и правильное использование неопределенного артикля. Например, *I am a student. I have a family. My mother is a teacher. I have a general educational subject – English.*

Определенный артикль (*the definite article*) употребляется перед существительным, обозначающим конкретный предмет, о котором даются дополнительные сведения. Например, *I study at the Kemerovo state*

Institute of culture. The family is not large. The eldest person in my family is my mother. The special subject is interesting. Развиваются навыки использования определенного артикля, когда речь идет о человеке или предмете, единственном в своем роде, то есть перед превосходной степенью прилагательных, а также перед порядковым числительным: The happiest holiday is Victory Day. It is on the ninth of May. Практикуется употребление определенного артикля при составлении аннотаций по прочтению аутентичных или специальных текстов. Анализируя их, студенты обосновывают, что является самым важным или самым интересным с их точки зрения. Важно понимать, что артикль ни к одному слову не прикован. К любому существительному, даже к собственному имени, в одном случае необходимо применить определенный артикль, в другом – неопределенный, а в третьем имя нарицательное или собственное необходимо оставить без артикля. На следующих примерах решение этого вопроса диктуется логикой. The beauty of St. Basil's Cathedral in Moscow creates universal admiration. Красота собора Василия Блаженного в Москве вызывает общее восхищение. Lady Hamilton was a beauty. – Леди Гамильтон была красавицей. В учебном пособии English практический курс для студентов вуза Т.В.Евсюковой представлена схема употребления артиклей и примеры их отсутствия.

Опыт занятий показывает, успешнее осваиваются разнородные грамматические явления внутри одной категории не разобщено, а в противопоставлении друг с другом. Схема иллюстрирует противоположность между функциями обоих артиклей. Характеристика путем контраста встречается и при чтении оригинальных текстов: встречаются разные персонажи с противоположенными характерами и индивидуальными чертами. Например, Дон Кихот и Санчо Пансу, мистер Пикквик и Сэм Уэллер. И так, лучший способ запомнить эту схему это анализировать тексты, сравнивая героев, их мотивации и действия. На схеме предоставлена роль английских артиклей: неопределенный артикль 1) один какой-то; 2) впервые упомянутый; 3) из ряда однотипных; 4) единичный экземпляр. Определенный артикль 1) этот; 2) повторно упомянутый; 3) единственный в своем роде; 4) весь род в целом; 5) человек, предмет, явление, которому посвящен смысл предложения. Другим примером освоения артиклей может служить ежегодная презентация студентов, посвященная Дню Победы. Разнообразные сообщения этого грандиозного торжества вызывают чувство гордости, восхищения и уникальности событий и поэтому употребления определенного артикля в связи с названиями битв, демонстрации, парада не вызывают сомнения в его использовании. Еще одним примером употребления определенного артикля является аннотирование текста. Например, раскрывая главную идею Гамлетовской фразы: To be or not to be: that is the question, из артикля the вытекает значение единственного, кардинального вопроса, который не дает покоя герою Шекспира. В заключение аннотации студенты могут резюмировать, что этот Гамлетовский вопрос может возникнуть перед любым человеком для принятия жизненно важного решения, когда в душе нет ясности, то есть в артикле заключено содержание – отражена трагедийность душевного разлада.

Внимание студентов также направлено на употребление определенного артикля перед единственными, уникальными предметами в природе: the sun, the moon, the earth, the sky: the moon is made of silver, the sun is made of gold. Желая выделить какую-нибудь семью, достаточно назвать фамилию семьи с определенным артиклем и окончанием – s. The Forsytes were present when a Forsyte was married or born. – Собиралась вся семья, когда один из Форсайтов появлялся на свет или праздновал свадьбу.

Определенный артикль ставится перед названием таких учреждений, как: the Parliament, the Congress, the Government. Используя на практических занятиях страноведческий компонент, выделяем случаи использования определенного артикля: как правило, артикль the является частью наименования океанов, морей, рек и горных цепей, пустынь и водопадов: the Atlantic Ocean, the Black Sea, the Thames, the Urals, the Niagara Falls. Принято ставить определенный артикль перед названиями: газет – the Times, the Guardian, кораблей: the Titanic, the Queen Mary, театров: the Metropolitan, the Opera, музеев: the British Museum, the Louvre, грамматических категорий: the verb, the noun, the comma.

Необходимо обратить внимание студентов на ряд выражений, с которыми употребляется определенный артикль: to play the violin – играть на скрипке; to run the risk – рисковать; to take the tennis match – победить в теннисном матче, а также со следующими застывшими словосочетаниями: in the middle, in the corner, to the right, to the left, in the morning, in the afternoon, in the evening.

Есть категория существительных, связанная с английскими традициями и обычаями, когда не употребляются артикли. Эта довольно многочисленная группа существительных делится на несколько подгрупп: а) существительное неотделимо от глагола; б) существительное неотделимо от предлога; в) в ряде застывших выражений существительные, сливаясь с глаголом, теряют очертания предмета и соответственно теряют артикли. Глагольный характер таких словосочетаний виден при переводе: to go to bed – идти спать;

to take place – происходить; to take care – заботиться; to take part – участвовать; from time to time – иногда; to have dinner – обедать; to make bed – убирать постель; to cook breakfast – готовить завтрак.

Для решения задач по формированию образовательных и профессиональных компетенций студентов на практических занятиях по английскому языку представлен весь комплекс различных видов речевой и письменной речи. Так как основой всех видов языковой деятельности является грамматика, то ее раздел – артикли, представленный в данной статье, является актуальным и необходимым для успешной реализации этих образовательных и воспитательных задач по подготовке бакалавров всех специальностей нашего вуза.

Список литературы

1. Евко Ю.А. Педагогические условия формирования профессиональной ответственности при обучении иностранному языку // Высшее образование сегодня, 2013. № 7. С 63 – 67.
2. Евсюкова Т.Н., Устименко С.И. English. Практический курс для студентов вузов. Серия «Учебники и учебные пособия». Ростов н /Д: «Феникс», 2001. – 480 С.

ПОПОЛНЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ТЕРМИНАМИ ИЗ СФЕРЫ НАНОТЕХНОЛОГИЙ

Сохань А.А., Хорунжая Н.В.

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск

Исследуя особенности нанотехнологической лексики немецкого языка, следует сначала определить, какое место занимает данная лексика в системе языка, можно ли назвать язык нанотехнологий подъязыком или субъязыком.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что нанотехнологии не являются отдельно взятой наукой, а представляют собой совокупность процессов, позволяющих создавать материалы, устройства и технические системы, функционирование которых определяется наноструктурой, т.е. её упорядоченными фрагментами размером от 1 до 100 нм [5];

- технологии создания объектов, размеры которых порядка 10^9 метра х[6];

- технологии работы с веществом на уровне отдельных атомов (7).

Под термином «нанотехнологии» также следует понимать комплекс методов, исследующих процессы, происходящие в атомном и молекулярном масштабе [8].

Каждая отрасль науки по мере развития формирует свой специфический язык (подъязык), основной особенностью которого является присутствие дифференцированной, специальной лексики, не всегда понятной для неспециалистов – терминов. Термины – это слова с четко ограниченным значением (зачастую – конкретным денотатом), играющие главную роль в каждом профессиональном языке [8]. Термины являются основной составляющей частью специальной лексики. Нанотехнологии находятся «на стыке» большого количества таких точных и технических дисциплин, как биология, химия, физика, минералогия, метрология, медицина, электроника и др. Соответственно, для описания нанотехнологических процессов и явлений используются лексические единицы из указанных выше областей знаний, которые, в свою очередь, образуют свой подъязык.

Таким образом, язык нанотехнологий едва ли можно назвать «подъязыком» или «субъязыком», и терминологический аппарат, которым оперирует нанотехнологическая сфера, следует скорее отнести к техническому языку в более широком смысле.

Терминологическая система нанотехнологий активно развивается и требует систематизации в области словопроизводства. В современной грамматике немецкого языка широко известны традиционно выделяемые основные типы словообразовательных моделей: 1. модель корневых слов; 2. префиксальная модель; 3. суффиксальная модель; 4. префиксально-суффиксальная модель; 4. модель словосложения; 5. аббревиация.

Корневые слова обладают двумя особенностями: неразложимостью их основ на морфемы и немотивированностью. Корневые немецкие слова, как правило, включают один – два слога, например: Tag, klug, Abend, unten, oder; двусложные корневые глаголы редки, если не считать глаголов с уникальными и связными основами. Что касается заимствованных слов с неделимыми на немецкой почве основами, то они

могут быть не только двусложными, например: *Perlon, Perkal*, но и могут включать большее число слогов, например: *Rendezvous, Magnolie* и др. Именно заимствования пополняют состав корневых слов, в то время как состав немецких корневых слов стабилен.

Следует отметить, что данная словообразовательная модель также лежит в основе многих нанотехнологических терминов. Это в первую очередь связано с тем, что многие лексические единицы, пришедшие в область нанотехнологий, являются заимствованиями, главным образом, из английского языка: *Atom, Photon, Fulleren, Matrix, Diode, Oxid, Graphen*.

Одной из наиболее продуктивных словообразовательных моделей немецкого языка является аффиксация, формально делящаяся на префиксацию и суффиксацию. Представлена данная модель и в языке нанотехнологий. Формально она характеризуется тем, что связанная словообразовательная морфема предшествует производящей основе. Эта модель представлена в глаголах (например: *umziehen, entkommen*), существительных (например: *Unfall, Nacherzählung*), прилагательных (например: *undeutlich, uralt*). Современный немецкий язык очень активно использует префиксальный способ словообразования и в целях номинации в области нанотехнологий. Среди наиболее частотных приставок, используемых для образования нанотехнологических терминов можно выделить две близкие, но не идентичные по своему лексическому значению: *Nano-* и *Mikro-*. Обе приставки обозначают «крайне малый» или «сверхмалый» размер или величину, участвуют в образовании огромного количества новых лексических единиц. Отдельно стоит упомянуть приставку *Makro-*. Лексические единицы с данным префиксом употребляются для обозначения чего-то «большого», «длинного» (от греческого *μάκρος* (макрос) например: *Makrohandel, Makrowirtschaft, Makrokosmos, Makroklima, Makroforum* и т.д. Однако, это вовсе не означает, что называемые величины в действительности большие или тем более огромные, этот префикс используется всего лишь для подчеркивания контраста с *Mikro*, ср.: *Mikrohandel, Mikroökonomie/-wirtschaft, Mikrokosmos, Mikroklima, Mikroforum*. То же самое можно отметить и в текстах нанотехнологической тематики: *Makroobjektiv, Makrofotografie, Makroebene*.

По данной словообразовательной модели образуется большое количество производных терминов с приставкой *Nano-*, например: *Nanokristal, Nanoteilchen, Nanometer, Nanonadel, Nanobeschichtung, Nanoatom, Nanofaser* и др. Префикс *Nano-* используется для создания слов, обозначающих что-либо очень малого размера ("нано" - от греч. *νᾶνος, nanos* — гном, карлик).

Среди окказиональных (наименее частотных) префиксов, использующихся для образования нанотехнологических терминов, можно назвать такие, как *Supra-, Halb-, Multi-* (*Supramolekül, Halbleiter, Multiphoton*).

Суффиксальная модель характеризуется тем, что связанная словообразовательная морфема находится после производящей основы. Суффиксальная модель представлена во всех частях речи (например: *gold-en, Mann-schaft* и т.д). По суффиксальной модели образованы многие нанотехнологические термины, например, такие как: *atom-ar, molekul-ar, Akt-or, Akzept-or, Katalysat-or, Sens-or, Ablat-ion*.

Поскольку мир нанотехнологий имеет дело с мельчайшими величинами, в лексике присутствует множество числительных с суффиксом *-stel*: *Ein Mikrometer entspricht dem Millionstel eines Meters oder ein Tausendstel Millimeter*.

Одной из наиболее распространенных моделей словообразования в сфере нанотехнологий является префиксально-суффиксальная модель, когда термины образованы одновременно при помощи префикса и суффикса: *Nano-teil-chen, Halb-leit-er, Supra-leit-er, Nano-be-schicht-ung, Nano-ver-schmelz-ung, nano-bio-keram-isch, nano-bio-chem-isch, Nano-bio-chem-ik-er, Nano-bio-elektron-ik*.

Еще один весьма распространенный способ словообразования в немецком языке – словосложение. В составе модели словосложения различают определительное и неопределительное. К первому относится сочетание двух компонентов; они могут иметь разную словообразовательную структуру, однако членение сложного слова всегда бинарно, например: *Freiheits-liebe* (оба компонента - суффиксальные основы), *Arbeiter-erholungsheim* (первый компонент - суффиксальная, второй – сложная основа). Второй тип сложения включает «императивные имена» типа *Vergissmeinnicht, Tischleindeckdich* и т.д., сочинительные сложения и некоторые другие виды соединений, например: *Ohnebart* (соединение существительного с предлогом). Являясь наиболее продуктивным способом словообразования в немецком языке, словосложение активно применяется и в образовании нанотехнологических терминов: *Masse-reduktion, „Top-down“ – Methode, „Bottom – up“ – Methode, UV-Filter, UVB-Strahlung, UV-Schutz, Cluster-physik, Raster-tunnel-mikroskop, Tunnel-strom, Raster-kraft-mikroskop, Van-der-Waals-Kräfte, Kohlen-stoff-atom, Loch-karte-technik*,

Magnet-feld, Mineral-pigment, Quanten-computer. В большинстве нанотехнологических терминов первая НС является существительным.

Следующая продуктивная словообразовательная модель немецкого языка в сфере нанотехнологий – это аббревиация. По количеству составляющих элементов в сокращенных нанотехнологических терминах преобладают трех- и четырехкомпонентные структуры, среди частотных можно упомянуть следующие аббревиатуры: **RFID** (*Radiofrequenz-Identifikation*), **RTM** (*Rastertunnelmikroskop*), **RKM/ AFM/ SFM** (*Rasterkraftmikroskop*), **DST** (*Dünnschichttechnik, Dünnschichttechnologie*), **CNA** (*Kohlenstoff-Nanofaser-Aerogele*), **RSM** (*Rastersondenmikroskopie*), **MKM** (*Magnetkraftmikroskop*), **TSP** (*Titan-Sublimationspumpe*), **SIMS** (*Sekundärionen-Massenspektrometrie*). Таким образом, при образовании нанотехнологических терминов при помощи аббревиации, главным образом, используется модель $Aaa + Bbb + Ccc \rightarrow A(a)B(b)C(c)$ и $Aaa + Bbb + Ccc + Ddd \rightarrow A(a)B(b)C(c)D(d)$.

Изучение новой терминологической лексики немецкого языка и способов ее образования чрезвычайно важно для современной лингвистики и не потеряет своей значимости в будущем.

Список литературы

1. Fleicher, W. Grundzüge der deutschen Wortbildung / W. Fleicher, M. Stepanova. – Leipzig, 1985.
2. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen, 1992.
3. <http://www.wissen.de/die-spannende-zukunftswelt-der-nanotechnologie>
4. www.newizv.ru/lenta/2008-01-29/83530-cho-takoe-nanotekhnologii-prosto-o-sloshnom.html 8
5. www.rusnanonet.ru/tesaurus/ru/17874 5
6. www.tayni.info/technics/nanotexnologiyam-%E2%80%93-sotni-tysyach-let 6
7. www.transhumanism-russia.ru/content/view/17/20/ 7
8. Раскин, В.К. К теории языковых подсистем / Издательство: ЛКИ. – 2008. - 424с.
9. Степанова, М.Д. Словообразование современного немецкого языка / М.Д. Степанова. – 1953. – 378 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМНОГО, БЕРЕЖЛИВОГО НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ECONOMICAL*

Степнова Н.Р.

Московский городской педагогический университет, г. Москва

Настоящая статья представляет собой работу по когнитивной лексической семантике и посвящено анализу характера концептуализации *экономного* в естественном языке. Данный концепт представлен русскими прилагательными *экономный*, *бережливый* и их английским коррелятом *economical*.

Актуальность данной работы определяется несколькими факторами.

Во-первых, на современном этапе развития лингвистики в число центральных проблем, рассматриваемых в работах многих ученых (Сулейманова 1988; 2007; Прохоров 2009; Евтеева 2013; Балуш 2012; Федюнина 2008; Чулкина 2015; Фомина 2009 и другие), входят проблемы концептуализации и категоризации мира средствами естественного языка.

Во-вторых, современная лингвистика уделяет особое внимание исследованиям конкретных семантических полей или семантики конкретных языковых единиц, часто образующих синонимичные ряды. Актуальность таких исследований объясняется отсутствием исчерпывающих описаний соответствующих слов или семантических полей. Семантическую сложность таких языковых единиц доказывает тот факт, что даже для носителей языка представляется трудным разграничение в значениях слов синонимичного ряда, хотя употребление этих лексических единиц для носителей языка является общепонятным и глубоко укоренившимся в языковом сознании.

В-третьих, для современной лексикографической практики характерна известная неточность семантических описаний, что затрудняет выбор оптимальной языковой единицы в конкретном контексте. Так, в словарях большинства современных толковых словарей присутствуют «логические круги», то есть слова трактуются друг через друга, например:

sparing – moderate; **economical** (OED) (умеренный экономный);

frugal – sparing or economical as regards money or food (OED) (бережливый, экономный в отношении денег или еды).

Таким образом, в рассмотренных словарных статьях, как правило, слова определяются через синонимы: например, слово *frugal* трактуется через близкие по значению прилагательные *sparing* и *economical*.

Более того, в рассматриваемых словарных статьях встречаются повторяющиеся толкования отдельных исследуемых прилагательных, например:

frugal – careful when **using money or food**, or (of a meal) cheap or **small in amount** (MWD) (аккуратный в использовании денег или еды, (о еде) недорогая или в небольшом количестве)

sparing – using **very little** of something (CD) (использующий маленькое количество чего-то); marked by or practicing **careful restraint** (as in the use of resources) (характеризующийся осторожной сдержанностью (в использовании ресурсов) (VWD);

economical – giving good value or return in relation to the money, time, or effort expended (OED) (предоставляющий хорошее соотношение цены и качества по отношению к потраченным деньгам, времени или усилиям); not using a lot of fuel, **money**, etc. (CD) (не использующий большого количества топлива, денег) marked by careful, efficient, and prudent use of resources (MWD) (тщательное, эффективное и разумное использование ресурсов); not costing or spending much **money** (MCD) (тратящий немного денег). ;

thrifty – showing a **careful use of money**, especially by avoiding waste (MWD) (аккуратно использующий деньги, избегая трат); using money and other resources carefully and not wastefully (OED) (аккуратно, бережливо использующий ресурсы, избегая трат).

Таким образом, несмотря на обилие словарей и разнообразие лексикографических описаний, признаки, разграничивающие значения рассматриваемых прилагательных, остаются не выявленными. Современные толковые словари английского языка не предлагают адекватного и исчерпывающего описания семантики рассматриваемых слов, что, говорит в пользу актуальности данного исследования.

Источником материала для исследования послужили данные лексикографических источников (в том числе электронных), архивы электронных фондов British National Corpus (<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>) и American National Corpus (<http://www.americannationalcorpus.org/>).

Учитывая то, что исследуемые лексические единицы относятся к числу высокочастотных и стилистически нейтральных, а также принимая во внимание активные процессы языковой конвергенции, отличающие современное информационное общество, можно предположить отсутствие принципиальных различий между британским и американским вариантами использования данных единиц, что дает основания при подборе материала рассматривать эти два варианта английского языка не дифференцировано.

На этапе предварительной обработки материала был проведен анализ контекстуального окружения прилагательного *economical*, в ходе которого были выделены две группы валентности: правая и левая валентность, которые в свою очередь распались на более узкие подгруппы. Рассмотрим самое частотное употребление прилагательного *economical*.

Правая валентность выражается в первую очередь абстрактными существительными, особенно часто встречается существительное *way*:

We need to protect the groundwater basin and do it in the most **economical way** possible (Мы должны защитить бассейн подземных вод и сделать это наиболее экономным способом);

Concrete seemed to offer an **economical solution** (Бетон кажется самым экономным решением);

You should select a more **economical alternative** (Нам следует выбрать более экономную альтернативу);

Red kidney beans can be utilized as an **economical source** of dietary proteins (Почки красной фасоли можно использовать как экономный источник диетических протеинов).

Кроме абстрактных существительных правую валентность могут выражать существительные, обозначающие транспортные средства или техническое оборудование:

Volkswagen knew its **economical Beetle** couldn't compete with the enormous cars (Фольксваген знал, что его экономный Жук не может конкурировать с огромными автомобилями).

Many companies are investing in lightweight and **economical vehicles** (Многие компании инвестируют средства в производство легких и экономных автомобилей).

Левая валентность имеет другой контекстуальный характер. Абстрактные существительные встречаются крайне редко, а первое место занимают существительные, обозначающие продукты питания:

This homemade *pudding* and divine biscuits are both *economical* and versatile (Этот домашний пудинг и божественное печенье одновременно экономные и универсальные);

I like *chicken thighs*. They're a little bit more *economical* (Мне нравятся куриные бедра. Они немного экономнее).

Так же как и в правой валентности, в левой часто встречаются названия машин и транспортных средств:

She had a feeling the *vehicle* was too big to be *economical* (У нее было ощущение, что автомобиль слишком большой, чтобы быть экономным);

He thinks that a *hybrid car* is *economical* (Он считает, что гибридный автомобиль экономный).

Особенностью левой валентности является наличие фразеологической составляющей:

He was oblique and *economical with the truth* as to be misleading (Он был не до конца честным, чтобы ввести в заблуждение);

I knew that my kids had been *economical with the truth* when they said they'd only invite a few friends over (Я знал, что мои дети не были честны со мной, когда они сказали, что пригласят всего парочку друзей).

Таким образом, проанализировав контекстуальное окружение, становится возможным выдвинуть гипотезу о том, что прилагательное *economical* употребляется исключительно в предложениях с денежной ассоциацией. Однако денежная составляющая употребляется только в положительном контексте. Все примеры выражают значение экономного или бережливого для всеобщего блага, а не с целью личной выгоды.

Так же особое внимание стоит уделить тому факту, что данное прилагательное имеет собственную шкалу оценки. Информация объективна только в контексте говорящего, а не распространяется на всех, так как уровень бережливости у каждого человека индивидуален.

В ходе исследования была выявлена несовместимость прилагательного *economical* с периодом времени, то есть в предложении с одним из синонимов рассматриваемого прилагательного *He had grown up in more frugal times* (Он вырос во времена, когда люди больше сэкономили) нельзя произвести замену прилагательного *economical* на *frugal*.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: избр. тр.: в 2 т. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 2006. 134 с.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. Антология. М.: Academia, 1997. 350с.
4. Беседина Н. А. Концептуализация количества в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики, 2010. – № 4. С. 25– 28.
5. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под редакцией И.А. Стернина. – Воронеж: Воронеж. МИОН, 2001. С. 25–36.
6. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Языковые преобразования. М.: «Языки русской культуры», 1998. С. 466–480.
7. Гинзбург Р. С. Значение слова и методика компонентного анализа // Иностр. яз. в школе. М., 1978. – № 5. С. 21–26.
8. Ильчук Е. В. Мышление и восприятие сквозь призму языка (на материале английского языка): монография. М. : ГНО Изд-во «Прометей» МПГУ, 2004. 264 с.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
10. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. – 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 24–39.

**СЕКЦИЯ №20.
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)**

**СЕКЦИЯ №21.
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ
И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)**

**СЕКЦИЯ №22.
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)**

**СЕКЦИЯ №23.
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)**

**СЕКЦИЯ №24.
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)**

**СЕКЦИЯ №25.
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ,
АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ
(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)
(КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)**

АФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Голубова А.И.

Московский Государственный Университет имени Ломоносова, г. Москва

В силу типологических особенностей китайского языка главным разделом его морфологии является не формообразование, а словообразование. В современном китайском языке значение этого раздела грамматики возросло под влиянием глобального процесса распространения международной лексики, в котором участвуют все языки мира. Особое место в ней занимают термины культуры, науки, техники, которые в разных языках адаптируются собственными путями. Главными путям их восприятия в китайском языке являются прямое калькирование и описательный перевод в форме традиционных многосложных лексических единиц.

Поморфемный перевод, сохраняющий аналогию структуры иностранного оригинала, имеет свои несомненные достоинства, но также и недостатки, которые заметны в следующих примерах. Международный термин «ультразвуковые волны» переводится стандартно, как 超声波 chāoshēngbō, а «ультраконсерватизм» переводится описательно, как 极端保守主义 jíduān bǎoshǒu zhǔyì, «ультранационализм» переводится в двух описательных формах, как 极端民族主义 jíduān mínzúzhǔyì и 狭隘民族主义 xiáài mínzúzhǔyì. Их словообразовательные компоненты 超 chāo, 极端 jíduān и 狭隘 xiáài представляют собой разные описательные переводы одного и того же префикса ultra-, а 主义 zhǔyì является стандартным переводом международного суффикса -ism(us). Поэтому 超 chāo и 主义 zhǔyì в китайском языкознании обычно рассматриваются как китайские префикс и суффикс.

При образовании современной терминологии используются не только знаменательные, но и служебные морфемы китайского языка. Служебные морфемы китайского языка, регулярно выступающие как переводный эквивалент префиксов международной терминологии, являются основной задачей нашей диссертационной работы.

При образовании международных терминов используются служебные слова двух видов, которые встречаются при основах с разным грамматическим значением. По своей семантике среди служебных морфем, выступающих в словообразовательной функции, различаются отрицания 不 bù и 非 fēi и служебные слова, указывающие на способ реализации или фазовое состояние действия, указанного в основе. При основах с грамматическим значением имени используется отрицание 非 fēi, которое указывает на отсутствие референта, обозначенного в основе. При основах с предикативным грамматическим значением используются отрицание 不 bù и служебные слова 未 wèi, 相 xiāng, 自 zì, указывающие на способ реализации соответствующего признака или его фазовое состояние.

Основным средством словообразования в китайском языке является сложение морфем по правилам синтаксиса. Этим правилам подчиняется также и словообразование международной терминологии. Поэтому наше исследование начинается с морфем – минимальных значимых единиц языка, из которых состоит вся китайская многосложная лексика. В зависимости от их грамматических функций различаются знаменательные морфемы с собственной предметной или предикативной референцией и морфемы служебные, которые обладают реляционным грамматическим значением.

Процесс перехода знаменательной морфемы в служебную называется грамматикализацией. Грамматикализация представляет собой исторический процесс, состоящий из многих временных ступеней. Поэтому одной из задач, стоящих перед нашим исследованием, является выяснение специфики этого процесса в китайском языке. Процессы грамматикализации протекают в китайском языке с древнейших времен и отражены в письменных текстах. Массовое заимствование международной терминологии, начавшееся с середины XIX в. внесло в эти процессы важные изменения. Они состоят в том, что при заимствовании словообразовательные аффиксы международной терминологии в целом регулярно передаются знаменательными морфемами китайского языка. Массовость и регулярность использования таких морфем ставит перед китайским языкознанием вопрос их грамматикализации. При этом исследователям проблемы приходится учитывать тот факт, что ни одна из них до сих пор не утратила своего знаменательного значения и не приобрела всех свойств служебной морфемы.

Следующая проблема, которая имеет прямое отношение к описанию грамматики современного китайского языка и его преподаванию, состоит в определении числа «квазиаффиксов». Помимо отдельных авторов, в одиночку проводивших подсчеты, существуют коллективные проекты по проблеме квазиаффиксов. К ним в первую очередь относятся проект Пекинского университета и проект Института языка Тайваньской Академии Наук (Академия Sinica). На базе большого языкового корпуса (всегда свыше 100 тыс. знаков) были созданы списки морфем, которые выступают в качестве суффиксов и префиксов. Цифры, которые получаются в результате обработки языковых корпусов, в общем, одинаковы, а имеющиеся расхождения всегда объясняются свойствами критериев отбора. При широких критериях число аффиксов бывает больше, при узких – меньше. В диссертации приведены фактически все префиксы и все суффиксы, которые были выделены разными исследователями этой проблемы.

Китайские служебные морфемы, выступающие в словообразовательной функции занимают особое место среди знаменательных морфем, выступающих в качестве переводных эквивалентов словообразовательных аффиксов международной терминологии. Как и китайские служебные морфемы, в составе переводного термина они занимают префиксальную позицию. По своей семантике они могут выступать как эквиваленты словообразовательных префиксов, так и знаменательных морфем в терминах, построенных по модели сложных слов.

Слоговая морфема может выступать в речи самостоятельно в качестве отдельного высказывания или в составе более сложной лингвистической единицы лишь при наличии особых условий. Отсюда следует также и основное синтаксическое свойство слоговой морфемы: для того, чтобы сделаться устойчивой самостоятельной лингвистической единицей, она должна соединиться с какой-то другой слоговой морфемой. Такие двуслоги являются элементарными синтаксическими единицами. При расширении состава такой единицы происходит ее естественное членение на ритмические единицы или речевые такты, которые образуют метрическую характеристику высказывания. Метрические единицы китайской речи – такты языка – содержат от двух до четырех слогов, соответствующих долям такта.

Многосложные лексические единицы обладают лексическим и грамматическим значением. Лексическое значение многосложных слов, состоящих из знаменательных морфем, обычно выводится из значений (прямых и переносных) их компонентов (односложных и многосложных). Грамматическое значение многосложных лексических единиц, состоящих из знаменательных морфем, зависит от их синтаксической структуры и грамматического значения морфем, входящих в их состав.

Грамматическое значение многосложных единиц с сочинительной синтаксической связью обычно совпадает с грамматическим значением слоговых морфем, входящих в их состав. Грамматическое значение двуслогов с сочинительной связью, в общем, совпадает с грамматическим значением каждой из них. Грамматическое значение двусложной единицы с сочинительной синтаксической связью, состоящей из именных морфем, обычно бывает именным. Так, двусложное имя 天地tiāndì «мир, вселенная» имеет грамматическое значение имени, поскольку состоит из двух именных морфем. Грамматическое значение двуслога, состоящего из двух предикативных морфем с сочинительной связью между ними, обычно бывает предикативным: такие двусложные глаголы, как 喜欢xǐhuān «радоваться», состоящие из двух глагольных морфем, такие прилагательные как 简单jiǎndān «простой», состоящее из двух односложных прилагательных, никогда не выступают в речи как имя. Таково общее правило формирования грамматического значения многосложных лексических единиц. Из этого правила бывают исключения, которые напоминают о том, что абсолютных правил в языке не бывает. В словаре ССКЯ 现代汉语词典xiàndài hànyǔ cídiǎn насчитывается около сорока именных двуслогов главным образом с абстрактным значением, которые состоят из глагольных морфем: 战争zhànzhēng «война», 行为xíngwéi «поведение», 睡眠shuìmián «сон», 动作dòngzuò «движение, жест». Иногда такие двуслоги обозначают имя деятеля: 经理jīnglǐ «управляющий», 书记shūjì «секретарь», 翻译fānyì «переводчик» и т. п.¹

Семантика многосложных лексических единиц, в составе которых присутствуют служебные морфемы, образуется несколько иным путем. В соответствии с правилами синтаксиса китайского языка служебные морфемы, выступающие в словообразовательной функции, занимают свое обычное место и в составе лексической единицы. Позиционное правило их использования состоит в том, что в многосложных лексических единицах служебные морфемы занимают позицию перед знаменательной основной морфемой. Семантика такого многосложного слова формируется по правилу сложения знаменательной морфемы со служебной, иначе говоря, это многосложное слово представляет собой лексикализованную грамматическую форму.

Многосложные слова, состоящие из одной (или большего числа) знаменательных и служебных словообразовательных морфем, имеют грамматическое значение в соответствии с грамматическим значением служебной морфемы. Слова, которые имеют в своем составе суффиксальные морфемы 子zǐ, 儿ér, 头tóu, относятся к категории имени; к этому же классу относятся слова с «учеными» суффиксами 性xìng, 论lún, 主义zhǔyì. Многосложные слова с «ученым» суффиксом 化huà относящиеся к категории глагола, обычно имеют именные дериваты. Многосложные слова, которые содержат в своем составе формообразовательные аффиксы глагола или прилагательного, являются предикативами по своему грамматическому значению, либо актуализируются в речи в грамматическом значении предикатива (глагола или прилагательного).

Грамматическое значение многосложных единиц, представляющих собой свободные сочетания морфем, определяется по грамматическому значению обеих морфем в лексических единицах с сочинительной связью и по грамматическому значению управляющей морфемы в лексических единицах с атрибутивной или глагольно-объектной подчинительной связью. Грамматическое значение лексикализованных многосложных единиц и научно-технических терминов, построенных по тем же синтаксическим моделям, может отличаться от соответствующих свободных словосочетаний.

Список литературы

1. 陈伟琳。现代汉语词缀新探。语言文字学。Chen Weilin. New research of affixes of contemporary Chinese. PRC: Linguistics and philology, Information center for social sciences, 11-2006;
2. 曾立英。现代汉语类词缀的定量与定性研究。语言文字学。Zeng Liying. Quantitative and intensional parameters of contemporary Chinese. PRC: Linguistics and philology, Information center for social sciences, 3-2009;
3. Chao Yuen Ren, A grammar of Spoken Chinese, Berkley: University of California, Press, 1968
4. Giorgio Francesco ARCODIA, Headedness and constructions in Mandarin prefixed words, Università di Milano-Bicocca, <http://www.nytud.hu/imm14/abs/arcodia.pdf>;

¹ Люй Шусян 1989: 159-160

5. Lei Wang, Baobao Chang, Janet Harkness. *International Journal on Asian Language Processing* 21 (1): 15-22 15 , A Method of Automatic Translation of Words of Multiple Affixes In Scientific Literature ;
6. Zeng Liying Wang Pingli Use a Lexical Database for Identifying Quasi-affixes in Contemporary Chinese, *International Journal of Knowledge and Language Processing* Volume 2, Number 4, October 2011;
7. Антонян К. В. «Глагольные категории прилагательного в современном китайском языке (Проблемы типологии и общей лингвистики)». - СПб., 2006.;
8. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» — М.: Просвещение, 1989;
9. Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков. *Вопросы филологии.* - М., 2003 - № 2 (14).
10. Люй Шусян 1978;
11. Поливанов Е. Д., Иванов А. И. Грамматика современного китайского языка. Изд. 3-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2003;
12. Семенас А. Л. Лексика китайского языка, М.: АСТ: Восток-Запад, 2005;
13. Солнцев В. М., Солнцева Н. В. Теоретическая грамматика современного китайского языка (проблема морфологии), М.: Военный институт, 1978;
14. Софронов М.В. Значимые и незначимые морфемы современного китайского языка // Ломоносовские чтения. Секц. Востоковедение : науч. конф., апр. 2004 г. : тез. докл.] ; МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСАА МГУ. - М., 2004 ;
15. Хаматова А. А. Словообразование современного китайского языка. - М.: Муравей, 2003;
16. Цыкин В.А. Полуаффиксация в системе китайского словообразования. // «Вопросы языкознания», 1975, № 5.

GRAMMATICAL MORPHEMES AND THE PROBLEMS OF QUASI-AFFIXES IN CONTEMPORARY CHINESE

Голубова А.И.

Московский Государственный Университет имени Ломоносова, г. Москва

The main way of word-formation in Chinese is the composition of morphemes according to syntax rules. Word formation of international terminology also conforms to these rules. That's why my research starts from morphemes - the smallest semantic units in a language. The entire Chinese multi-syllable vocabulary is made up of these units.

Depending on their grammatical functions, morphemes are divided into content morphemes with their own subject or predicative reference, and grammatical morphemes with relational grammatical meaning.

Morpheme-by-morpheme translation based on analogy between the structure of a Chinese word and its foreign language original has both its advantages and disadvantages. The following type of analogy can be observed: if in the source word prefix is in the front position, and suffix is after the stem, then when translating, we try to keep their positions relative to the stem (i.e., prefix remains in front of the stem, suffix remains behind it). This phenomenon abounds, that's why to some degree it can be considered as a rule of translating international terminology. The reason for this kind of positioning however differs in Chinese and in the source term: prefix and stem in Chinese have syntactic relations, whereas in European languages they are connected according to morphotactic rules.

The standard methods of translating international terminology have acquired an independent life in the Chinese language and now they are used for forming national terminology, which moves to the spoken language lexicon.

A lot of research is being done on Contemporary Chinese word formation, and there are many monographs devoted to this particular topic. The monographs written by Semenas A., Khmamatova A., etc. investigate the semantic problems of the so-called new affixes. Another substantial part of the research is dedicated to the new morphemes that haven't been studied before (e.g.: 租[zū], 台[tái], etc.). Worth mentioning is also the research of Tsykin V., who considers quasi-affixation to be a special, independent lexico-morphological way of word formation.

Among Chinese linguists, Zeng Liying, Wang Li, Cheng Weilin, Lu Shuxian, Zhao Yuanren, etc. should be noted. Besides the individual authors, many collaborative projects on the quasi-affixes issues have been published, e.g. those of Beijing University and Taiwan Academia Sinica, to name a few. Lists of morphemes, which appear as suffixes and prefixes are created on the basis of a large language corpus (always more than 100 000 signs).

It should be noted that the functions of grammatical morphemes and the problems of quasi-affixes have not been covered exhaustively by neither Chinese nor global sinology. Content suffixes and prefixes are carefully described, whereas grammatical morphemes are not sufficiently analyzed - no particular attention is paid to details, despite the frequent usage of the grammatical words. Most word-forming affixes in Contemporary Chinese have developed from content words. Affixes like 啊[a] and 第[di] (prefix for ordinal numbers) are real suffixes - all Chinese linguists agree on that. I too subscribe to that point of view.

So far no distinct criteria for differentiation of quasi-affixes and content morphemes, on the one hand, and affixes, on the other, have been formulated. Chinese linguists use the following criteria to sort out Chinese morphemes: productivity (frequency of morpheme's occurrence in texts), localization (location of an affix relative to stem), semantic characteristic (meaning of the affix), semantic grammaticalization (the extend to which the affix has diverged from the original meaning of the content morpheme as well as the possibility of the morpheme to act as an independent word. Due to this reason the total amount of the affixes always differs in different research.

Researchers agree that word-forming quasi-affixes in Contemporary Chinese have evolved from content words. Being a derivative of an initial content morpheme, quasi-affix preserves etymological relation to that morpheme. Quasi-affixes usually form rows of words, entering a wide semantic category (person, subject, process, etc.), and are marked by rather a high productivity. Quasi-affixes usually form derivatives with a particular grammatical meaning.

Statistical data is a helper in this type of research. Various studies on quasi-affixes register the following morphemes: 不[bù] (126 occurrences in Standard Dictionary of Modern Chinese “现代汉语词典”, henceforth abbreviated as SDMC), 非[fēi] (19 occurrences in SDMC), 为[wéi] (15 occurrences in SDMC), 未[wèi] (31 occurrences in SDMC), 已[yǐ] (13 occurrences in SDMC), 相[xiāng] (89 occurrences in SDMC), 自[zì] (165 occurrences in SDMC). In studies based on The Dictionary of Contemporary Chinese, Renmin Ribao newspaper, “Information Grammar of Chinese” [Zeng, 2009], etc., the value of morphemes, such as 不[bu] and 非[fēi] is especially high, since they play an important functional role in making up morphological antonyms. The frequency of 未[wei] is lower, but it should be noted that it is contrasted with such morphemes as 已[yi] and 离[li]: 未婚[weihun], 已婚[yihun], 离婚[lihun] (‘single’, ‘married’, ‘divorced’ respectively).

Besides that other grammatical forms, such as “reciprocity”, “approach, come together”, etc. are made up in some cases (相帮[xiangbang] – mutual aid, 相爱[xiang'ai] – mutual love, 相交[xiangjiao] – become friends).

Terms with negations penetrate into the spoken language, but some Chinese linguists do oppose to that. Zeng Liying (2011) suggests that these morphemes should not be considered negations, but words that are artificially lowered to the level of word-forming morphemes, and thus grammatically act as morphemes in word-formation (the same is the case with the morphemes 超[chāo] and 反[fǎn]). On this issue Zeng Liying lacks linguistic horizons failing to understand that there are content morphemes, which can be used both as a word and as a part of a word (both Jan Baudouin de Courtenay and Leonard Bloomfield conducted relevant studies), that is Zeng Liying considers these morphemes as roots of words, which have real meaning, not as grammaticalized affixes. His study on the morpheme 非[fēi] based on Information Grammar and Renmin ribao newspaper obtained the following statistical data: from the total of 229 segments, containing 非[fēi], 157 were located at the beginning of the word, 48 - at the end of the word, and 24 - in the middle. In my own research (based on the SDMC) I have marked out 19 words containing the morpheme 非[fēi] as a prefix, 18 out of the 19 are two-syllable words, and 1 is a three-syllable word.

The disagreement among the researchers of Contemporary Chinese word-formation about the morpheme status of negations 不[bù] and 非[fēi] is notable. Cao Wei suggests that the morpheme 不[bù] (不成词语素[bùchéng cíyǔsù] and the morpheme 非[fēi] (非成词语素[fēichéngcíyǔsù]) can both be considered as word-forming morphemes (Chen, 2006). Zeng Liying however suggests that even though both morphemes are definitely functional, Chinese native speakers never consider negation 不[bù] as an affix.

This research cannot do without homonymy. If the morpheme 非[fēi] is located at the end of the word, then, usually, it is not a quasi-affix in such case it has the meaning of “非洲” [fēizhōu] ‘Africa’: 北非[běifēi] – Northern Africa, 中东非[zhōngdōngfēi] – Central and Eastern Africa; or it takes part in idioms with the meaning “false”: 似是而非[sìshìérfēi] “seeming likelihood”, 是非非[shì shìfēi fēi] “relatively just”, 若是生非[ruòshì shēng fēi] “get into trouble”; or it forms such two-syllable words as 决非[jué fēi] “really without”, 莫非[mòfēi] «certainly...»; or it forms acronyms: 国转非[guózhǎnfēi] – “privatization of enterprises”, 农转非[nóngzhǎnfēi] – “agriculture”).

The process of transition of a content morpheme into a grammatical morpheme is called grammaticalization, or grammaticalization. The issue of grammaticalization of word-forming morphemes has been widely discussed in Chinese linguistics since 1980s. The timing concurred with the similar discussion on the theoretical problems of grammaticalization in Western linguistics. The latter showed that the source of grammaticalization is a content lexical unit, but the final result is a grammatical indicator, deprived of content meaning. This process however does not come to a theoretical completion in all the languages.

Grammaticalization is a gradual process. That is why it is possible to talk about degree of grammaticalization of content morphemes. Morphemes, which act as quasi-affixes, partially (and sometimes to a considerable extent) lose their initial content meaning and pass a certain route section on the way to a complete grammaticalization. Prosody of quasi-affixes is mostly reduced, right up to transition to a neutral tone.

The main application value of quasi-affixes and quasi-suffixes in Contemporary Chinese is automated processing of information in Chinese. Essentially, productivity of affixes and quasi-affixes in scientific language has raised a problem of morpheme-by-morpheme translation of Chinese multi-syllable terminology. To this day, the main way of automated processing of texts is their automated translation. The problem of forming a program for machine translation has changed its appearance and features, depending on technical feasibility of computers. Initially, the problem of processing lexis in a program for machine translation by separate morphemes was needed, as limited memory of the computers did not allow storing all the conjugates with different prefixes and suffixes. Then, when the technical issue of memory capacity was solved, a possibility of storing much more lexical information (including conjugates with different prefixes and suffixes) appeared. However, a program for morphological analysis of words has not lost its significance, as quasi-prefixes and quasi-suffixes are now used both for translating international terminology and creating Chinese terms proper, without corresponding foreign analogues.

If initially programs for machine translation were required due to the lack of computer memory capacity, later it became essential to have a program for morphological analysis of Chinese multi-syllable lexis in order to translate newly created terms on the basis of word-formation resources of Western terminology. That is why regular publications on morpheme-by-morpheme processing of Chinese terminology and different suggestions on its programming can be explained.

Based on my research I have come to the following conclusion when forming international terminology, functional words of two types are used, and then can come across in stems with different grammatical meaning. By semantics among functional morphemes, which have a word-forming function, there are negations 不[bù] and 非[fēi] and functional words, indicating a way of realization of action or its phase state. Negation 非[fēi] is used with stems having grammatical meaning of name and indicates absence of the referent indicated in the stem. In the case of stem with a predicative grammatical meaning, negation 不[bù] and functional words 未[wei], 相[xiāng] and 自[zi] are used. They indicate a way of realization of an appropriate indicator or its phase state.

Another conclusion of my research is that negation is productive, but is comprehended by neither native speakers nor linguists. The question remains: how can well-known negations turn into word-forming morphemes? This concerns also morphemes such as 未[wei], 相[xiāng], 已[yi], 自[zi] etc. Their word-forming function is rather significant and it goes beyond borrowed terminology and gets into the spoken language. For instance, the word for atypical pneumonia is 非典[fēidiǎn] is an acronym of the term 非典型性肺炎[fēidiǎn xíngxìng fēiyán], thus a morpheme from scientific language has penetrated into the spoken language in a reduced 2 syllable version.

Modern lists of quasi-affixes include all seven functional morphemes studied in my paper. The fact that they are taken into consideration in all the lists indicates that they are an important part of the category of Contemporary Chinese quasi-affixes, and that they have become mandatory for both theoretical research and teaching practice.

Bibliography

- 1 Antonyan K. V. Verb categories of adjectives in Contemporary Chinese (adjective in aggregate with verb modifiers) (Problems of typology and general linguistics – St. Petersburg, 2006, Pp. 10-14);
- 2 Giorgio Francesco ARCODIA, Headedness and constructions in Mandarin prefixed words, Università di Milano-Bicocca, <http://www.nytud.hu/imm14/abs/arcodia.pdf>;
- 3 陈伟琳。现代汉语词缀新探。语言文字学。Chen Weilin. New research of affixes of contemporary Chinese. PRC: Linguistics and philology, Information center for social sciences, 11-2006;
- 4 Chao Yuen Ren, A grammar of Spoken Chinese, Berkley: University of California, Press, 1968
- 5 Lei Wang, Baobao Chang, Janet Harkness. International Journal on Asian Language Processing 21 (1): 15-

- 22 15 , A Method of Automatic Translation of Words of Multiple Affixes In Scientific Literature ;
- 6 Li Xiandong. Language differences and their reflection in lexical semantics of Chinese and Russian – Questions of Philology, Moscow, 2003 - № 2 (14). - Pp. 30-34;
- 7 Lu Zhiwei, 1956;
- 8 Lv Shuxian, 1978;
- 9 曾立英。现代汉语类词缀的定量与定性研究。语言文字学。Zeng Liying. Quantitative and intensional parameters of contemporary Chinese. PRC: Linguistics and philology, Information center for social sciences, 3-2009;
- 10 Zeng Liying Wang Pingli Use a Lexical Database for Identifying Quasi-affixes in Contemporary Chinese, International Journal of Knowledge and Language Processing Volume 2, Number 4, October 2011;
- 11 Zhu Dexi. Notes in Grammar – Beijing, 1982.
- 12 Standard dictionary of Contemporary Chinese 现代汉语规范词典，2010出版

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2018 ГОД

Январь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны»**, г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2018г.

Февраль 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом»**, г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2018г.

Март 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы современных гуманитарных наук»**, г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2018г.

Апрель 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках»**, г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2018г.

Май 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук»**, г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2018г.

Июнь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Современные проблемы гуманитарных наук в мире»**, г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2018г.

Июль 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук»**, г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2018г.

Август 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Новые тенденции развития гуманитарных наук», г. Ростов-на-Дону**

Прием статей для публикации: до 1 августа 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2018г.

Сентябрь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Гуманитарные науки в современном мире», г. Уфа**

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2018г.

Октябрь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы гуманитарных наук», г. Волгоград**

Прием статей для публикации: до 1 октября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2018г.

Ноябрь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г. Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2018г.

Декабрь 2018г.

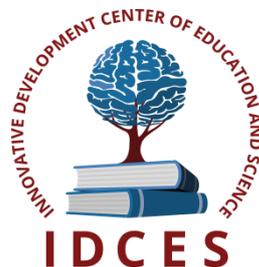
V Международная научно-практическая конференция **«Перспективы развития современных гуманитарных наук», г. Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2019г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные вопросы и перспективы
развития гуманитарных наук**

Выпуск V

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 мая 2018 г.)**

г. Омск

2018 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Издатель Инновационный центр развития образования и науки (ИЦРОН),
603086, г. Нижний Новгород, ул. Мурашкинская, д. 7.

Подписано в печать 10.05.2018.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,0.
Тираж 250 экз. Заказ № 055.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.